

ISSN 0869—4788

ИЮЛЬ
ЮЗРА

7.92

фото Л. Березницкого.

Югра
№ 7 (9), июль 1992.

Издается
с сентября 1991 г.
Выходит один раз в месяц

**Редакционная
коллегия:**

В. К. Белобородов

(Редактор)

Н. И. Коняев (ответственный секретарь).

Л. В. Луцкай

Т. А. Молданова

Технический редактор.

Н. Б. Баталова

Адрес редакции: 626200,
г. Ханты-Мансийск, ул.
К. Маркса, 14.

Телефон редакции 4-12-25.

Журналы в любом количестве можно приобрести в редакции.

Подписаться на журнал можно с любого номера в местном узле связи. О случаях отказа в оформлении подписки просим сообщать в редакцию.

Сданов в набор 01.07.92. Подписано в печать 30.07.92. Формат 60x84¹/₁₆. Бумага газетная. Печать офсетная. Усп. печ. п, 3,74. Уч. изд. л. 4,48. Тираж 2300. Заказ № 1874. Цена 3 р. 50 к.

Отпечатано в Шадринской типографии п/о «Исеть» управления печати и массовой информации администрации Курганской области. 641800, г. Шадринск, ул. Спартака, 6.

Историко-культурный журнал.
Учредители — администрация Ханты-Мансийского автономного округа и нефтяная акционерная компания «Аки-Отыр».

В номере:

С. П. Залыгин. Партия «зеленых» в багровых тонах	2
О чрезвычайной экологической ситуации в Ханты-Мансийском автономном округе	5
М. Гаврилов, В. Константинов. Творческая студия в Советском	6
А. Мухаметова. Выставка Дмитрия Шлябина	7
Н. Новикова, Л. Луцкай. Сумма частностей=жизнь	8
Дух-духовное	12
В автономных округах России	13
Э. Мальцева, Н. Нялинский. Под знаком торама	14
Н. Коняев. Не «сокращайте» живую природу	15
А. Ходырев. О живунах и не только о них	18
А. Тахтуева. Приготовление чомыха и чипа	19
П. Бахлыков. История, быт, культура юганских ханты (окончание)	20
П. Ситников. Национальная школа	24
В. Плесовских. Система религиозных представлений ханты и манси	29
Н. Патрикеев. Первая культбаза	37
Е. Кузакова. Восточные манси	38
И. Каскин. У родного Чугаса (продолжение)	40
А. П. Чехов. Из Сибири	49
В. Беспалов. Береги пока что есть. Стихи	50
А. Евсеев. Тукман	53
Т. Молданова. Разные орнаменты	55
Говорите по-мансийски	57
Б. Лапутин. «Югория» в Якутии	59
Ю. Проскурин. Гараж с погребом	61
Ю. Гордеев. Дрозд-рябинник	62

С. П. Залыгин

ПАРТИЯ «ЗЕЛЕННЫХ» В БАГРОВЫХ ТОНАХ

Человек — опасное исключение из общего правила природы. Наше саморазвитие — это постоянное, ничем не ограниченное увеличение потребностей. И это отчуждает нас от природы, от ее непреложных законов, оказывает тяжкое воздействие на окружающий нас мир, который — увы! — строго ограничен количественно. Ведь в нашем распоряжении и всего-то навсего шарик с длиной окружности по экватору чуть более 40 тысяч километров (четыре перелета из Москвы в Нью-Йорк), поверхность шарика — 150 миллионов километров квадратных, из них менее 1/3 — суша.

На каждого жителя Земли ныне приходится менее 2,5 гектара суши. На этой площадке имеют свое место горы, пустыни и прочие неудобья, здесь же размещаются леса, пашни, пути сообщения, разработки полезных ископаемых, производственные и бытовые отвалы...

Полезно было бы в каждом городе создать такую вот показательную модель «Твоя Земля» (размером в 2,5 гектара), пропорционально разместив на ней все эти категории суши. И через каждые лет десять (соответственно росту населения) рядом строить новую, уже уменьшенных размеров. Это было бы весьма наглядное учебно-экологическое пособие.

Ученые уже в нашем веке определили ту единицу измерения, с помощью которой, если уж не в абсолютных, так в относительных величинах можно выразить и сравнить суммарное потребление человеком природных ресурсов в разные периоды его существования. Это — килокалория.

Сравнение оказалось возможным, и дало такие результаты: в доисторические времена потребление составляло 2—4 тысячи килокалорий на человека в сутки, в феодальном обществе — 20—25 тысяч, а нынче, в таких развитых странах, как США, — 200—250 тысяч килокалорий.

В среднем же, полагают ученые, суммарное потребление энергии человеком по отношению к «доисторическому» (природному) периоду увеличилось в 5000 раз. Это опустошило все кладовые природы. Вполне возможно, что природа в конце концов не потерпит живое существо с беспредельно возрастающими потребностями, она скажет такому существу: или — ты, или — я!! Ведь при конфликте неограниченных потребностей XX века и ограничений природы возникает злободневный вопрос: возможно ли в принципе дальнейшее... продолжение жизни человечества!

В XX веке французские ученые П. Тейяр де Шарден и Э. Леруа установили такое понятие, как «ноосфера». Иначе говоря, биосфера, окружающая земной шар, где взаимодействуют природные силы с силами человеческого общества. В. И. Вернадский развил это понятие, включив в него разум человека как главный импульс подобного взаимодействия, импульс, обеспечивающий наше будущее.

Это — научный подход к проблеме. Здесь непозволительно усомниться в выводах. Другой подход к этому явлению и понятию, в основе которого лежит сомнение, — представлен творчеством Андрея Платонова. По существу, он утверждает, что та же ноосфера, созданная человеком, может оказаться сильнее человека с его реалистическим разумом, сделать его своим рабом и действовать на свою же собственную гибель так, как это делают герои «Котлована», с тупым энтузиазмом копая себе могилу, или «Чевенгура» — бессмысленно уничтожая природную степь. Окружающий мир может вытеснить из человека его душу и заполнить его сам вполне нелепыми, но массовыми и потому дисциплинированными чувствами и понятиями. И человек оказывается неспособным к бунту против такого порабощения.

Но тогда что же ему остается? Однозначных надежд уже давно нет, каждая надежда — это выбор, и тем более необходимо определить, где искать! В какой сфере? Что же осталось такого, в чем поиск все еще надежен?

Остается — культура.

Сколько бы и как бы мы ее ни упрекали.

Ведь жить-то нам хочется! Или уже нет! Что-то не верится, будто — нет.

И значит, КУЛЬТУРА ДОЛЖНА СТАТЬ КУЛЬТУРОЙ НЕ ТОЛЬКО СВОЕГО СОБСТВЕННОГО, НО И ВСЕОБЩЕГО ВЫЖИВАНИЯ.

Культура выживания — а нынче она

приобретает именно такое значение — должна внедриться в науку, в любую человеческую деятельность и глобальную, и повседневную.

Особая роль будет, наверное, принадлежать здесь искусству. И в силу его общей убедительности, и потому, что оно находится в самых бескорыстных и честных отношениях с природой — ни живопись, ни музыка, ни поэзия (а вся без исключения художественная литература когда-то называлась поэзией) непосредственно не претендуют на использование природных ресурсов и не загрязняют атмосферу. Присутствуют в искусстве и бессмертие, и бессмертные — Шекспир, Микеланджело, Толстой — и не уничтожают, а дополняют друг друга, а это, похоже, единственное безопасное, никому и ничем не угрожающее обогащение. Вспомним мы нынче и тот факт, что молодая культура когда-то начиналась с познания природы, она первой обратилась к звездному небу и космосу и последней научилась воспринимать природу только как хранилище материальных благ. И теперь к ней, одряхлевшей, мы обращаем свои взоры, чтобы спастись экологически.

Но что такое экология?

Наука! Общественное движение! Партия «зеленых»? Инстинкт самосохранения! Мистическое учение об апокалипсисе! Не будем совершенно исключать из этого понятия ни того, ни другого, ни третьего — пусть все, что может в нем соединиться, соединяется, ведь разделение наших знаний о жизни на бесконечное число наук и саму нашу жизнь тоже размежевало на отдельные, изолированные друг от друга части.

Но, требуя глубоких специальных знаний, экология — не только знание, но и сознание, доступное каждому. Она — сама современность и злободневность всех злободневностей. Она же и классическая древнегреческая философия, поскольку призывает к осуществлению ее постулатов. Еще не умея определить, что же такое экология,

мы уже отчетливо осознаем ее необходимость, ее цели и задачи, а это — более чем трудная и трагическая ситуация.

Сама культура не готова к исполнению своей новой (но по существу — вечной) обязанности.

И человек на Земле — явление отнюдь не временное, а реликтовое. Ведь он пережил смену климатов, оставшись самим собой, тогда как во всей остальной жизни произошли невероятные пертурбации. Эта наша приспособляемость — наш серьезный шанс на будущее. Реализация же этого шанса — опять-таки за культурой.

Итак, альянс двух калек — практической экологии и отвлеченной от проблемы существования культуры, альянс, участники которого оказались на задворках не только политики и экономики, но и общественного сознания, — дело сомнительное. Но все равно — необходимое. И, как не очень удачно говорят у нас, — внеочередное. Другого-то выхода у нас нет.

В чем же может конкретно осуществиться этот альянс! В программах радио и телевидения! В учебных программах школ и вузов! В популярных статьях и научных разработках! В экологизации научных учреждений, начиная с Академии наук! И это тоже. Но самое главное — во взаимопроникновении культуры в экологию, экологии — в культуру. И та, и другая — две самые универсальные области деятельности, уже по одному этому задача спасения жизни на Земле не может не объединять их.

Когда речь идет о культуре (в самом широком и универсальном смысле), речь идет еще и о порядке, о последовательности, о способности предвидеть последствия того, что будет завтра в результате сегодня, а если на то пошло, так все это и есть экология: завтрашняя, она определяется сегодня. Но дело-то в том, что очевидность

ного, но попросту никакого впечатления. Произведет ли! Или только тогда, когда в этом уже не будет никакого смысла!

Конечно, эту экологизацию, как и чувство человеческой природности, можно назвать наивностью, даже — глупостью, читая многих и многих современных писателей и публицистов, я именно так их и понимаю. Но ведь всему отвергнутому надо тут же найти, по меньшей мере, равноценную замену. Без прогноза — это снова «великий Октябрь», снова «великая пролетарская», снова большевизм. Отсутствие представлений, о том, каким должно быть наше государство, — то же. Отсутствие экологических понятий и действий экологического порядка — то же.

Можно представить дело и так: нам нынче не до экологии, нам бы спастись сегодня, а насчет завтра — видно будет... Но даже и спасаясь, все-таки можно тратить природу с умом, а можно — безумно. Этот выбор остается все еще за нами, или же и к нему мы уже потеряли способность!

Прежде чем стать государственным или общественным деятелем, человеку нужно экологизироваться, приобщиться к природности, к ее логике и к тем началам, из которых человечество когда-то произошло, к тому прошлому, в котором, хочет он того или нет, всего человеческого больше, чем в нынешнем, тем более — чем в будущем.

ОТТУДА ЖЕ, ИЗ ПРИРОДНОСТИ, И НАША ДУХОВНОСТЬ, НАШ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ И ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЙ ОПЫТ ПРИСПОСОБЛЯЕМОСТИ К САМИМ СЕБЕ И К КУЛЬТУРЕ ВЫЖИВАНИЯ.

Из этого опыта мы извлекли очень мало: «почти ничего».

Но и тут вопрос: а сумеем ли мы распорядиться этим «почти» сегодня!

Ведь именно сегодня делает завтра.

(«Известия», 3 июня 1992 г.)

О ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ХАНТЫ-МАНСИЙСКОМ АВТОНОМНОМ ОКРУГЕ

Малый Совет Совета народных депутатов автономного округа отмечает, что высокие темпы освоения нефтегазовых месторождений, вырубка лесов и другая хозяйственная деятельность последних десятилетий привели к обострению экологической ситуации.

Учитывая нетерпимость сложившейся экологической ситуации в поймах рек Оби, Иртыша, Конды, Сев. Сосьвы, Васюгана, на нефтепромыслах и в окрестностях городов, малый Совет Совета народных депутатов автономного округа РЕШИЛ:

На основании представленных данных и предварительного анализа сложившейся экологической обстановки, вследствие интенсивного использования природных ресурсов:

1. Считать территорию автономного округа зоной чрезвычайной экологической ситуации.

2. Рекомендовать администрации округа:

2.1. Изыскать средства для финансирования разработки в месячный срок критериев оценки и статуса территории Ханты-Мансийского автономного округа как зоны чрезвычайной экологической ситуации, а также для проведения независимой экологической экспертизы представленных материалов и документов.

2.2. Разработать программу «Экология».

2.3. Проверить правомерность выделения лесопарковых земельных участков в черте населенных пунктов под строительство.

2.4. Разработать совместно с постоянной комиссией окружного Совета по экологии, оздоровлению окружающей среды, рациональному использованию природных ресурсов систему ежемесячного информирования населения, заинтересованных организаций и ведомств о нарушениях природоохранного законодательства.

3. Окружному комитету по экологии и природным ресурсам, постоянным комиссиям по экологии, оздоровлению окружающей среды, рациональному использованию природных ресурсов и по гласности, средствам массовой информации, работе с общественными формированиями систематически представлять для опубликования в газетах «Местное время», «Новости Югры», «Северный дом» списки предприятий, нанесших наибольший вред природе, с описанием степени ущерба.

4. Предложить заслушать на очередной сессии окружного Совета информацию о действиях администрации округа по предотвращению экологических бедствий.

5. Обратиться в Верховный Совет и Правительство Российской Федерации о принятии специальных постановлений и законодательных актов по охране природы Западно-Сибирского региона.

6. Контроль за выполнением данного решения возложить на постоянную комиссию по экологии, оздоровлению окружающей среды, рациональному природопользованию.

Председатель Совета народных
депутатов автономного округа

В. А. Чурилов.
18 июня 1992 г.

Творческая студия в Советском

Уже много лет непрерывной составной частью работы сотрудников заповедника «Малая Сосьва» является просветительство. В 1985 году здесь был организован на общественных началах краеведческий музей, быстро заслуживший любовь прежде всего детей. Первое знакомство жителей райцентра Советского с музейными коллекциями происходит еще в детсадовском возрасте; потом, став школьниками, они вновь и вновь приходят сюда — на вводные уроки-экскурсии по природоведению, ботанике, зоологии, занятия кружка «Юный натуралист». Продолжительное время старший научный сотрудник М. И. Гаврилов вел в Доме пионеров кружок «Линней». А совсем недавно руководитель кружка «Краеведение» школы № 3 поселка Советского Л. Германова через районную газету благодарила научных сотрудников Ф. Р. Буйдалину и А. Л. Васину, лесничих Н. В. Пархоменко и В. В. Евсеенкова за интереснейшие лесные экскурсии.

Музей при заповеднике — это летопись природы и истории, культурный и научный центр, пропагандирующий новое отношение человека к окружающему миру. Нынешнее поколение научных сотрудников продолжает традиции и активно использует духовное наследство своих предшественников — основателя существовавшего здесь до 1951 г. Кондо-Сосьвинского заповедника В. В. Васильева, известных исследователей В. В. Раевского, К. В. Гарновского, В. Н. Скалона и других, бережно хранимое в научной библиотеке и архиве заповедника. Не будь этого наследства, вряд ли могла бы выйти в 1985 году в Свердловске книга «Заповедник «Малая Сосьва». На этой же плодородной почве выросла в последнее время и интересная творческая группа «Экопульс-Веды», о которой читателям журнала рассказывает ее руководитель, кандидат биологических наук Михаил Иванович Гаврилов.

— Что означает название вашей творческой группы и в чем состоят ее задачи?

— Это творческая студия. Цель ее — в нынешнее довольно трудное время попытаться воспрепятствовать ускорившемуся процессу утраты связи человека с культурой. А в основе культуры лежит природопользование. Вот сейчас в нашем районе из лесных ресурсов используется только древесина. Живица перед рубкой как следует не выбирается, хвоя не используется, хотя, по имеющимся у меня данным, есть люди, готовые дать за мешок хвойной витаминной муки два вагона комбикорма. И еще много другой пользы можно получать от леса, хотя бы, к примеру, за счет развития туризма.

Если бы мы вели хозяйство рационально, вкладывали средства в передовую технологию, в науку, использовали зарубежный опыт, мы могли бы остановить процесс разрушения природной среды. Не произойдет этого — может случиться большая трагедия, мы, жители Советского района, рискуем лет через 15 стать экологическими беженцами. Чтобы этого не произошло, нужна широкая пропаганда экологических, биологических, географических, исторических и прочих знаний. В сознание людей должно войти знание местной природы — ее ландшафтов, растительного и животного мира, возможностей использования природных ресурсов.

С этой целью и организована наша студия. В нее вошли сотрудники заповедника, телевизионной студии «Радуга», краеведческого музея. Мы планируем создать на основе накопленного более чем за 15 лет материала и съемок живой природы около десяти получасовых фильмов, которые будут показаны по местному телевидению.

Название «Экопульс-Веды», конечно, не случайно и не дань моде. «Экопульс» означает, что мы пытаемся держать руку на пульсе живой природы, отражать ее состояние и искать пути предотвращения экологической катастрофы. А словом «Веды» обозначена задача вести широкую краеведческую работу.

— Значит, вы увидели связь между природой, культурой и человеческой историей?

— Она всегда была, эта связь, и не видя, не понимая ее, мы просто обкрадываем себя и губим все вокруг. Трагедия в том и состоит, что ее многие не осознают. Тематика задуманных фильмов поэтому широка и разнообразна. Кроме проблем экологии и рационального природопользования, это и археология, и этнография, и история. В сущности, своими фильмами мы хотим участвовать в поиске современной концепции выживания человечества. Ведь человеку отпущено на приведение в порядок своей планеты не так уж много — по различным оценкам, от 20 до 80 лет. И это главное дело должно всех нас объединить.

Два фильма уже сняты. Первый посвящен 15-летию Верхне-Кондинского заказника. В нем мы даем характеристику деятельности заказника, вскрываем некоторые проблемы, показываем представителей местной фауны.

Второй фильм рассказывает о жизни основателя Кондо-Сосьвинского заповедника Василия Владимировича Васильева, которого писатель Бианки сравнивал с героем Купера Соколиным Глазом.

— Кто оказывает финансовую поддержку творческой группе?

— Первая поддержка была от районного отдела народного образования. За счет этих средств мы сможем сделать 4—5 тридцатиминутных фильмов. Нас поддержал также Пионерский поселковый Совет, заказав фильм о поселке к его 30-летию. Поселок, занимающийся только заготовкой древесины, имеет немало проблем, и мы хотим их отразить. Конечно, вся программа пока не обеспечена средствами и нуждается в спонсорах, но приятно то, что со стороны многих мы увидели понимание и готовность идти навстречу, некоторые вопросы решались практически мгновенно.

Должен сказать и о неоценимой поддержке другого рода. Быстро и без лишних хлопот проникнуть для съемок в потаенные уголки нашей тайги было бы невозможно без помощи лесников заповедника и егерей заказника и зачастую, вспоминая какой-либо таежный эпизод, я с благодарностью вспоминаю и своих оставшихся за кадром спутников.

Интервью взял В. Константинов

ВЫСТАВКА ДМИТРИЯ ШЛЯБИНА

«Извечные ценности — чистый воздух, лес, вода, закаты, туманы, зори — всегда будут волновать человека. Жажда соприкоснуться с гармонией, которая разлита в природе, передать хотя бы часть ее, поделиться чувством красоты со зрителем — все это и заставляет браться за краски и холст...

Способность к рисованию с детства, от отца. Брат и сестра рисуют не хуже, но важна своя песня.

Учиться пришлось заочно. Возможно, то, что хорошо для любителя, плохо для профессионала. Но в работе друзей любителей подкупает искренность чувства, непосредственность, не забитая школой, «мастерией». Русская школа лирического пейзажа мне близка. Как сказал тюменский художник А. Чугунов, «ху-

дожник должен работать красками, но если у него лучше обстоит дело со словом, то надо браться за ручку и бумагу».

На суд зрителя предлагаю работы, сделанные за годы ученичества (этюды, пейзажи) и более поздние работы. Все остальное сказано в них».

Этими словами художника Дмитрия Дмитриевича Шлябина открывается его выставка в Мегионе. На ней представлено более 60 работ — живопись, графика. Это его первая персональная выставка, но в городе давно знают этого незаурядного человека — страстного охотника, таксидермиста, чьи золотые руки мастерски делают чучела птиц и зверей, украшают залы местных музеев.

А. Мухаметова

СУММА ЧАСТНОСТЕЙ-ЖИЗНЬ

Поводом для публикуемого интервью стал несколько необычная экспозиция, составленная из материалов архива окружной библиотеки и приоткрывающая ее внутреннюю, не видную даже постоянным посетителям жизнь. Невозможно, наверное, отыскать лучших слов для выражения смысла этой работы, чем те, из которых слагается следующий эпиграф к альбому «Мы помним ваши лица», где собраны фотографии ветеранов библиотечного дела города: «Еще не раз вы вспомните меня и весь мой мир, волнующий и странный». По-видимому, какой-то глубинной потребностью открыться читателю, для которого и живет библиотека, продиктована идея этой неброской внешне, но полной интересных подробностей выставки, о которой рассказывает библиотекарь Н. М. Новикова.

— Много в истории нашей библиотеки мы можем восстановить только по рассказам ветеранов. И надо спешить записать их рассказы, сохранить фотографии.

Вот перед нами главный инструмент нашей библиотечной практики — счета. Да, бухгалтерские счета до сих пор незаменимый инструмент. Мы учитываем, сколько книг ежедневно выдали, сколько читателей пришло в библиотеку. Это очень нетворческая работа, но она необходима. Представлены на фотографии и другие предметы. Вот, например, пресс-папье. Как оно управляется, уже никто из нынешних работников не знает, этот навык давно утрачен, но Антонина Кабириновна Саитова все до сих пор прекрасно помнит, и она нам это показала. И я почему-то трепет ощутила перед тем, что она знает, и чего не знаю я. Вообще-то архивы — это свидетели нашей частной жизни и свидетели нашего времени. Человек нуждается в собственной истории, в своей, пусть непритязательной, биографии. Это нужно прежде всего ему самому, а потом и детям, и внукам.

— Нелля Михайловна, я чувствую, что к архиву уже созданному, библиотечному, вы испытываете трепетное отношение.

— Да, потому что все, что мы собираем и что было на выставке представлено, имеет отношение ко всему и ко всем. Вот служебные документы, тетрадь учета справок. Если полистать, то увидишь, что интересовало людей 10 лет назад. А 10 лет назад они просили подобрать литературу о социальном соревновании. Сейчас же просят литературу о приватизации. Или вот имеющаяся в нашем архиве справка, что библиотека сдает кобылу чалую в колхоз на летнее пастбище. Для чего нужна была кобыла библиотеке, знает только Антонина Кабириновна Саитова. Она мне и другим нашим сотрудникам объяснила, что тогда дрова вынуждены были заготавливать сами, было в библиотеке печное отопление — потому и держали кобылу. Вот такие штрихи, такие черты времени.

Так мы отвлеклись от глобальных задач и пришли к маленькому частному, что согревает человека. Ну, взять хотя бы наши библиотечные анекдоты, которые я уже довольно продолжительное время записываю. Выставив все это напоказ читателю, мы самооткрылись.

— Я знаю, что у вас прекрасный архив домашний...

— Но он организован не так хорошо, как тот архив, который я вам представляю сейчас в нашей библиотеке. У меня дома возможности кропотливо заниматься своим архивом, к сожалению, нет. То, что делаю я, делаю урывками. Много сделала для оформления архива своей дочки подрастающей. Ей сейчас четыре года, у нее уже три альбома, в которых наклеены ранние фотографии, этикеточки с баночек детского питания и даже состриженные локоны. Вписаны какие-то смешные ее высказывания. Все это хранит каждая мама, но большей частью разрозненно, а у меня есть

альбом, который наш переплетчик Михаил Егорович Шаламов искусно переплел. И я думаю, что для моей Кати это будет реликвия, если она до своего сознательного возраста не истребит его.

— Нелля Михайловна, я вам завидую, что у вас есть такой прекрасный архив. Не каждому удастся его собрать. Это трудная работа?

— Любовь Васильевна, я Рак по гороскопу — значит хранитель традиций, любитель древностей. А с другой стороны, работа библиографа меня на то нацеливала, что любое свидетельство о времени — оно интересно, оно ценно и рано или поздно людей заинтересует. Вы знаете, сколько запросов приходится выполнять касающихся истории. Потом, я же вижу огромный поток публикаций в периодических изданиях, он должен быть зафиксирован. У нас этим занимается Анжелика Валерьевна, вот она буквально как рыбак с неводом выходит каждый день на берег большого моря. Массу периодических изданий получаем, около 300, и ей нужно каждое из них просмотреть и описать. Это труд библиографа. Я понимаю это как библиограф, а с другой стороны, я к этому склонна как рожденная под знаком Рака. Мне очень важно, что Даниил Гранин, например, в своей книжечке «Ленинградский каталог» огромную работу проделал. Он в соавторстве с художником проиллюстрировал жизнь в Ленинграде в 20—30—40 годах. Вы помните примус?

— Ну, конечно.

— Я про него уже забыла, а моя мама на нем готовила. Когда я увидела его в книжке, вы знаете, во мне проснулось что-то. Я помню старую банку, у мамы там хранились пуговицы, эта банка на меня производила впечатление музейной реликвии. Я всегда завидовала людям, выросшим в Ленинграде с его замечательными музеями, потому что они раньше осознали эту связь времен.

Мне кажется, мое увлечение архивом стало в библиотеке притчей во языцех. Мне несли и старую карточку из каталога, и новый библиотечный анекдот, и интересный документ. Я добровольно исполняла до недавнего времени роль архивариуса и думаю, что наш архив будет и в дальнейшем пополняться. Вот одно из свидетельств этому. У Марии Николаевны Мадьяровой 10 лет работает при нашей библиотеке клуб «Литературные встречи». Сюда приходят от 10 до 15 человек. Клуб родился как раз в тот год, когда я начала работать в библиотеке. Я, конечно же, стала его охотно посещать и вела архив попутно. Мария Николаевна поняла, что это на самом деле важно, взяла архив клуба в свои руки и теперь существует альбом. Перелистывать его — это такое интересное занятие. Мне кажется, многие люди, которые запечатлены на фотографиях, наверняка...

— Чего-то уже не помнят?

— Да, забыли. И вдруг в этом архиве они находят или фотографию, или анкету, на которую отвечали когда-то давно. Это такое чувство, непередаваемое, ради него стоит заниматься самым рутинным трудом. И то, что с такой кропотливостью каждую газетную вырезку приклеиваешь в этот альбом, не забываешь выходные данные — это же библиографическая обязательность, с одной стороны. Но с другой стороны, без нее не обойдешься. Чтобы этот кусочек газеты не был клочком бумаги, а стал документом, надо, например, указать: «Ленинская правда», 1981 год.

— Но это не является трудностью для вас?

— Для меня нет. Я люблю уточнить тираж документа, пометить, когда он был составлен, не оставляю ни одной неподписанной фотографии. Если кто-то фотографию кладет в пакетик и говорит: «Это я закончил институт и в мае мы снялись на память», для меня это уже человек, не дорожающий архивом, я его пытаюсь в свою веру обратить и говорю: «Подпиши немедленно, потом это забудется». Документ ценен тем, что на нем можно прочитать и фамилию фотографа.

— Память человека такова, что он не помнит всего события, а помнит какие-то детали...

— Ну, вот Тынянов Юрий Николаевич, человек высочайшей архивной культуры, тем не менее говорил: где документ кончается, там я начинаю. Он начинает как романист. Документ изначален, он восстанавливает, хотя и неполно, то время, которое писатель пытается постичь. Такая взаимосвязь должна быть. Человеческая память ведь кратковременна и если останется документ, то это такое богатство, которым надо дорожить.

— И это доставляет массу трудностей, когда вы делаете генеральную уборку в библиотеке или дома? Бывает, жалко выбрасывать?

— Конечно. Мне очень трудно расстаться с газетами. Я делала в прошлом году выставку «Газета, как зеркало времени» по материалам 50 изданий. Но вот выставка прошла, газеты, которые изданы в Москве, Ленинграде, Тюмени, Ханты-Мансийске, я собрала, они у меня стопочкой лежат. Боюсь, что настанет время, когда моя дочь или кто-то из домашних скажет: не пора ли этим растопить печь? Хотя у меня и есть соответствующая надпись, что это неприкосновенно, но сам документ начинает теснить его хранителя. И в библиотеке у нас такая же история. Проблема места, как говорил Реформатский. Он всегда говорил: мне ничего не нужно в жизни, кроме места для книг. «Кроме места для книг и архивов», хочется добавить.

Думаю, что человек, выбравший себе профессию библиографа, уже обрек себя и будет ходить, как с фонариком. То, что для другого не представляет интереса, он должен подобрать, оформить, дать этому документу соответствующее оформление. Наверное, на меня наложило свою печать то, что профессию библиографа я получила в Ленинграде, где так очевидны связи между нами, современниками, и историей. Они просто на каждом шагу.

— Наверное, очень нужно вовремя проникнуться какой-то идеей, вовремя прочитать нужную книгу?

— Да, да, конечно. Потом на ловца и зверь бежит. Я не знаю, чем объяснить мое знакомство с человеком, который учился в нашем институте культуры, а потом стал работать в Святогорском монастыре Пушкинского заповедника хранителем, но оно оказало на меня большое влияние. Или знакомство, которое произошло в Артиллерийском музее, где мы проходили летнюю практику. Мы вместе работали там зрителями, подружались, а потом моя подруга становится хранителем музея в Пушкиногорье. Ну, и увлечение Тыняновым сыграло свою роль, и то, что книга Мариэтты Чудаковой «Беседы об архивах» попала мне в руки. Из всего этого и сложилось такое отношение к архиву. И здесь, в окружной библиотеке, я застала человека, который был озабочен ее историей. Это была Нина Викторовна Лангенбах. Чувствовалось, что она дорожит каждым сегодняшним днем. И вероятно, она пришла бы к той же мысли, к которой пришла Иванова-Бабкина, бывший директор областной библиотеки, работающая сейчас над созданием библиотечного музея области.

— Значит, архив — это не просто архив? Архив — это жизнь?

— Да, это весомый пласт жизненный. А для кого-то и образ жизни. Допустим, для меня. Я живу не для того, чтобы архив создавать, а для того, чтобы люди пришли не на пепелище.

Интервью взяла Л. Луцкай

СОБИРАТЕЛЬ И ТВОРЕЦ

В Березовском филиале Ханты-Мансийского окружного краеведческого музея неизменный интерес посетителей вызывает выставка, посвященная художнику-манси, уроженцу с. Ломбовож П. Е. Шешкину. На ней представлены вырезанные из дерева фигурки людей, птиц, животных, альбомы орнаментов, которые Петр Ефимович собирал на протяжении трех десятков лет, магнитофонные ленты с записями голосов жителей мансийских сел Ломбовож, Сосьва, Кимкьясуй, орнаментированные туюски из бересты, эскизы. Здесь же висит очень удачный, на наш взгляд, графический портрет Шешкина, выполненный художником из г. Белоярского В. С. Белых.

Небольшой, но емкий по своей научной значимости архив был передан в музей уже после смерти Петра Ефимовича и бережно сохраняется. Сформировалась группа, которая под руководством кандидата филологических наук Е. И. Ромбандеевой ведет обработку этого архива, в ее составе —

директор центра культуры и искусства народов Севера С. А. Попова и автор этой заметки. Уже подготовлены к печати орнаменты, словарь, написан биографический очерк, готовится к публикации собрание пословиц и поговорок. Предполагается, что в исследовании довольно обширной музыкальной части архива примут участие преподаватель Саранпаульской музыкальной школы Д. Г. Агеев и научный сотрудник Сосьвинского парка-музея «Найотыр ма» Н. М. Садомин.

Мы хотим собрать разбросанные по разным городам, по частным архивам и коллекциям произведения и материалы П. Е. Шешкина (скульптуры, эскизы, рукописи), переданные им в разное время научным учреждениям и отдельным специалистам для работы и по тем или иным причинам не возвращенные, т. к. убеждены, что творческое наследие П. Е. Шешкина и собранные им материалы по мансийской культуре прежде всего должны быть доступными для самого народа манси.

**И. Шабалина,
п. Березово.**

КУКОЛЬНАЯ СВАДЬБА

Идея создания детского кукольного свадебного спектакля возникла у меня давно. В 1989 году, во время экспедиции по северу Омской области, поделился ею с В. И. Шуровым, профессором Московской государственной консерватории. Он заметил:

— Такой спектакль уже есть, поставили москвичи. Так что первыми вы не будете, но мысль, безусловно, интересная. Используйте свой, сибирский материал, а он вам продиктует форму.

В поисках формы и содержания прошел год, и осенью 1990 года мы показали первую часть спектакля на 8-м Новосибирском фестивале фольклора. Цели показать сибирскую свадьбу во всей ее полноте мы не ставили, ибо она невыполнима силами детского

коллектива ввиду своей масштабности. Мы выбрали несколько опорных точек, которые обеспечивают преемственность развития, и пользовались только тем материалом, что равно доступен и интересен как зрителю, так и исполнителям.

Эти условия вывели нас на сценарий, где собственно свадьбе посвящены только две последние части: «Утро свадебного дня» и «При больших столах», а первые три части — «предсвадебной страде» — представлению героя, сватовству, девишнику. Таким образом, действие с громким названием «Сибирская свадьба» включает в себе только семь собственно свадебных песен. Большого, к сожалению, не позволяют масштабы нашего спектакля.

**А. Ложкин,
г. Сургут.**

ДУХ — ДУХОВНОЕ

Неблагополучие времени всегда остро ощущалось большими поэтами. Уж на что, казалось бы, жизнелюбива поэзия Велимира Хлебникова, а и в его поздних стихах присутствуют трагедийно-мрачные настроения и предчувствия:

И вьюга веет хлопьями,
И носятся бесшумно духи.
Я протырявлен копьями
Духовной голодухи.

Слова дух, духовное не так уж и часто встречаются в нашем лексиконе. Всегда ли мы правильно понимаем значение этих слов!

Обратимся к Далю. Дух — это бестелесное существо; обитатель не вещественного, а существенного мира; бесплотный житель недоступного нам духовного мира. Относя это слово к человеку, иные понимают душу его, иные же видят в душе только то, что дает жизнь плоти, а в духе — высшую искру Божества, ум и волю, или же стремление к небесному...

Духовное, по Далю — это всё бесплотное, нетелесное, из одного духа и души состоящее; всё относящееся к Богу, к церкви, вере; всё относимое к душе человека, все умственные и нравственные силы его, ум и воля. Как видим, значение слов дух и духовное у Даля значительно шире, чем у Ожегова. Не каждый ученый-языковед согласится с толкованием этих слов Далем. Здесь важно помнить, что он не был ученым по специальности, а был всего лишь «талантливым учеником учителя своего — живого русского языка».

Удивительна многозначность слова дух: видение, призрак; сила души, доблесть, крепость, отважность, бодрость, решимость; сущность, сила, разум, смысл; благодать, вдохновение, наитие; дыхание, запах, уханье (отсюда: благоухание); воздух, жар; направление в людях к воле, свободе...

Слово дух породило большое количество производных, многие из которых подзабыты нами основательно. Вот всего лишь несколько понятий:

ДУХОВНАЯ — письменное, законно составленное распоряжение о добре, имуществе на случай смерти.

ДУХОВНИК — духовный отец, исповедник, священник.

ДУХОВИДЕЦ — тот, кто видит духов, видения, привидения.

ДУХОБОРЕЦ, ДУХОБОРНИК — отвергающий божественность Святого Духа.

Мы не случайно вспомнили о понятиях дух, духовное. Не случайно обратились и к стихам Велимира Хлебникова... Сегодня мы на критической точке своего развития. Многие в той или иной степени уже ощутили на себе удары копий «духовной голодухи». Но куда души наши не утратили «стремления к небесному», куда можем сказать:

Мне много ль надо! Коврига хлеба
И капля молока,
Да это небо,
Да эти облака! —

не все еще потеряно.

Оргкомитет по подготовке к 400-летию Обдорска-Салехарда (которое северяне отметят в 1995 году) провел очередное заседание. Был заслушан вопрос о генеральном плане застройки города. План готовит отдел архитектуры окружной администрации совместно с одним из Донецких проектных институтов. Рассматривались также проблемы благоустройства и условия проведения конкурса на лучший эскиз герба города. К заседанию оргкомитета в расчетно-кассовом центре Салехарда открыт юбилейный счет № 74780, МФО 26881.

Изъеденный ржавчиной топор, найденный в тундре, на открытом холме, принес в окружной краеведческий музей ученик 6-ой школы Алеша Опополь. Он нашел топор начала 17-го века — «приземистый» в отличие от топоров 16-го века, но примерно такой же формы. Достаточно четко выраженная «бородка» обломана. Обушное отверстие треугольной формы, верхняя площадка обуха прямоугольная, а еще выше расположенная верхняя часть ее вытянута вдоль топорща. Такие топоры могли использоваться местным населением для рубки леса, плотницких работ, а также в столярном деле. Попадали топоры на север Сибири из-за Урала. Обычно их привозили промышленные люди для обмена на пушнину, а когда, после появления города Мангазея, сюда устремился поток служилых людей, крестьян и промышленников для проживания, то такие топоры они привозили и для себя.

Глава администрации Ямало-Ненецкого округа Лев Баяндин подписал «Постановление о подготовке и проведении окружного фестиваля малочисленных народов Севера», который должен состояться в Салехарде в марте 1993 года.

Хорошо знают в Тазовской и Гыданской тундрах фольклорную группу из райцентра. Тазовчане, не избалованные заезжими «звездами» искусства, всегда рады концертам местного хора, костяк которого составляют учителя средней школы-интерната, а руководит коллективом преподаватель детской музыкальной школы Н. Г. Дружкин. Залог долгого существования хора, по мнению его участников, — не только совместные репетиции и концерты, но и возможность общения с близкими по духу и мыслям людьми. А недавно тазовчане побывали на фольклорном празднике в п. Красноселькуп, где очень понравились гостеприимным хозяевам.

«Обдорянка» — фольклорная коми-зырянская группа в последнее время много работает над своим репертуаром. Группе еще нет и двух лет. Сменив уже трех руководителей, самодеятельные артисты не пали духом. В их репертуаре — старинные песни родного народа, такие, например, как «Шер чунь вир чунь», а также старинные русские песни, которые помнят от своих дедушек и бабушек, матерей и отцов: например, «Улоньку». Поет группа и песни ямальских авторов С. Няруя, А. Бердышева, на стихи А. Тарханова и А. Тарасовой.

(По материалам «Красного Севера»).

ПОД ЗНАКОМ ТОРАМА

Из города Саранска Мордовской республики вернулась ханты-мансийская делегация участников третьего Международного фестиваля фольклора финно-угорских народов. Памятуя о том, что очередной — четвертый — Международный фестиваль планируется провести через год в Ханты-Мансийске, журналист Н. Нялинский обратился к одному из участников фестиваля — заведующей организационно-методическим отделом окружного Центра культуры и искусства народов Севера Мальцевой Эльвире Ивановне с просьбой поделиться впечатлениями о состоявшемся празднике.

— Первое, что надолго останется в памяти, — это гостеприимство, радушие и открытость хозяев фестиваля — эрзян и мокшан. Поразили жизнелюбие и трудолюбие мордовского народа. Программой предусматривались поездки по городам и селам республики, и наша делегация побывала в селах Мичуринское и Бaeво Ардатовского района. Неизгладимые впечатления произвели чистота улиц, аккуратные, ухоженные дворики и домики с резными деревянными наличникам, загорелые, улыбочивые лица сельчан... Как они любят работать и веселиться!

Погода благоприятствовала празднику. Мы немножко опоздали к открытию, но и увиденное радовало глаз яркостью и сочностью красок, продуманностью сценария, музыкальным оформлением празднества. Взять, к примеру, эмблему фестиваля... Под деревом с широкими зелеными листьями, символизирующими финно-угорскую языковую семью, играющий на старинном музыкальном инструменте — тораме, давшем название фестивалю, музыкант в нарядном народном костюме. Словом, большой праздник на Большой земле состоялся...

Приехало свыше 300 человек — финны, венгры, эстонцы, ливы, вепсы, коми, карелы... Наша делегация состояла из 8 человек. Это — фольклорные ансамбли «Аранг Мосьнэ» под руководством З. Н. Лозямовой, «Ешак Най»

М. К. Волдиной и мансийская группа, которую представляли я и Владимир Шесталов. Я показала игру на тумране, изготовленном народной умелицей из Казыма Тогомазовой Прасковьей Григорьевной, Володя играл на санквалтапе. Должна сказать, что наши коллективы зрителю понравились. А нам очень понравились коллективы фольклорных ансамблей из Карелии и мордовская «Эрзянка»...

Хорошо был организован и досуг. Мы посетили республиканский краеведческий музей, национальную библиотеку, выставку археологических находок шокшинского могильника и декоративно-прикладного искусства мордовских мастеров, побывали на родине известного художника и скульптора С. Д. Эрзи (Нефедова) — «нашего Родена», как называют его земляки.

Но не только развлекались. В рамках фестиваля состоялся двухдневный научный симпозиум «Экология традиционной культуры». С докладами «Философские и социологические аспекты проблемы экологии традиционной культуры», «Проблема специалиста в традиционной культуре», «Традиция и современность в фольклоре: проблемы консервации, трансформации» и на другие темы выступили крупнейшие в республике ученые — доктора наук Сухарев А. И., Микушев А. К., Мокшин Н. Ф., кандидаты искусствоведения Брыжинский В. С. и Бояркин Н. И., интересны были и выступления гостей из-за рубежа, из Москвы, Йошкар-Олы. Выступили в прениях и ханты-мансийцы Гоголева Т. С. и Бардин А. Г. Мы у себя в округе часто сталкиваемся с проблемами, поднятыми на симпозиуме, так что полезно было сопоставить разные точки зрения и сделать для себя какие-то выводы.

Ну и, конечно, посоветовались с организаторами фестиваля, ведь нам принимать эстафету в 1993 году. С целью подготовки в округе проводится 9-й по счету фестиваль югорского искусства.

НЕ «СОКРАЩАЙТЕ» ЖИВУЮ ПРИРОДУ!

В начале очередного рабочего дня в кабинете директора Ханты-Мансийской городской станции юных натуралистов Виктора Геннадьевича Невдубского собрались методисты Людмила Александровна Антипова, Татьяна Алексеевна Гурова и автор этих строк. Намечавшееся ранее интервью с директором на тему экологического воспитания школьников города обернулось беседой за «директорским» столом, запись которой с некоторыми сокращениями мы и предлагаем вниманию читателей.

Виктор Геннадьевич: К нам приходят в основном младшие школьники, увлеченные животными, птицами, рыбами, растениями... Само понятие «экология» им вряд ли еще знакомо. Но мы постепенно приводим их к пониманию, что сохранение живой природы — это в конечном итоге сохранение самих себя. Сегодня наши задачи усложнены тем, что средства, выделяемые нам отделом народного образования, почти полностью расходуются на содержание штата и оплату самых необходимых материальных затрат — воды, электроэнергии, отопления... Все это не может не сказываться на нашей работе.

— Тем не менее станция работает. Хотелось бы услышать, что из сделанного коллективом за последнее время считаете наиболее значительным, важным!

Виктор Геннадьевич: Интересная работа ведется в Елизаровском заказнике. Ученики 6—8-х классов, хорошо зарекомендовавшие себя в кружках, в порядке поощрения на конкурсной основе выезжают туда. У нас есть договоренность с главным егерем Гелием Николаевичем Котовым... Так вот, школьники занимаются там кольцеванием птиц, изготовлением и ремонтом дуплянок, ведут подсчеты заселенности дуплянок, то есть непосредственно выполняют полезную биологическую работу. Сейчас у нас разработано около десяти программ по конкретным биологическим направлениям... Остановлюсь на аквариумах. Сам я по специальности ихтиолог, работал на рыбокомбинате рыбоводом, и пришел на станцию исключительно, можно сказать, из-за увлеченности аквариумными рыбами. В 1984 году нам отвели подвальное помещение на улице Пионерской, там и создали аквариумную базу. Сейчас имеем довольно-таки богатое видовое разнообразие рыб, и дети ходят туда с большим желанием.

Людмила Александровна: Дети имеют возможность посещать наши аквариумы не только как кружковцы, но и как экскурсанты. Кроме того, учителя — биологии и зоологии — проводят в «подвале» некоторые свои уроки, связанные с видовым составом водных растений, и своеобразием строения рыб. Такие уроки, бесспорно, эффективны.

Татьяна Алексеевна: В текущем учебном году планируем открыть от внешкольного учебно-производственного комбината на базе нашей станции профиль по подготовке десятиклассников по специальности эколог-лаборант. По окончании двухгодичного срока обучения выпускники получат документы, разрешающие им работать в системе очистных сооружений города и округа. Курс предполагает овладение не только практическими навыками проведения анализов воздуха, почвы, воды, но и получение глубоких экологических знаний. С этой целью намерены пригласить ведущих специалистов города... А Екатеринбургский международный экологический центр обещал прислать нам экологические программы.

— Что собой представляют такие программы!

Татьяна Алексеевна: Это не просто набор каких-то наглядных пособий, плакатов, а программы для работы на компьютерах. Ученик получит возможность побывать как бы в самой экологической системе... Конечно, сегодня реализовать эти планы трудно по известным причинам. Но важно понять и другое. У большинства населения очень низкий уровень экологических знаний, а они необходимы всем — учителям, врачам, инженерам, рабочим, руководителям... Если бы уровень экологических знаний руководителей был несколько выше, они не довели бы нашу природу до плачевного состояния...

— Дети видят в городе мусорные свалки, зловонные помойки, промышленные стоки... У вас они об этом говорят!

Виктор Геннадьевич: Конечно, говорят. Дети видят все. У них глаз «свежий». Мы, взрослые, ко всему уже, вроде, привыкли, приморгались, дети — нет. И с болью рассказывают о том, что в городе, например, почти повсеместно вырубаются деревья, отходы промышленных предприятий сваливаются и сливаются в Иртыш.

— И они прекрасно понимают, что все эти безобразия и преступления — дела рук их отцов.

Виктор Геннадьевич: Несомненно. Но вот что примечательно. Дети на каждом шагу слышат разговоры об экологических нарушениях. Слышат по радио, по телевидению. И они для себя делают выводы: на словах взрослые — за охрану природы, на делах этого не видно. Вот что хуже. У взрослых до конкретных дел руки не доходят. Сейчас проходит месячник по очистке территории, окружное общество охраны природы пошло на создание экологических групп... Но ведь все эти мероприятия носят кампанейский характер, до конца не доводятся.

Людмила Александровна: Мы разработали систему экологических игр. Популярной стала игра для старшеклассников «Экобум-с», где «эко» — экология, «бум» — шумиха, а «с» указывает на шуточный характер игры. Участникам задается конкретная ситуация. Такая, например: на пищекомбинате вместо пива пошла... нефть. Что делать — «забивать скважину» или пускать нефть в продажу! Причем, участники игры подразделяются на группы. Одна группа представляет администрацию города, другая — малочисленные народности Севера, третья — потребителей и так далее. Игроки начинают обсуждать возникшую ситуацию, решать проблему, причем, каждая группа — со своей «точки зрения». Вопросы «мэру» задаются достаточно остро...

— Должно быть, поучительная для взрослых игра...

Людмила Александровна: Эту игру у нас переняла и апробировала на экорейсе Тюмень — Салехард — Тюмень областная станция юных натуралистов. Чем игра полезна! Дети вовлекаются в процесс принятия решений по конкретным экологическим ситуациям, и по принятым ими решениям судишь о их мировоззренческой позиции.

Татьяна Алексеевна: В течение последних трех лет мы подготовили систему подобных игр для младших школьников. Дети посредством игры изучают взаимоотношения организмов на уровне начального звена, обучаются нормам поведения в природе. Считаю, что игра — наиболее перспективная форма обучения.

С 1987 года организуем летний отдых детей через профильные выездные лагеря. Виктор Геннадьевич уже сказал о Елизаровском заказнике. Хочу добавить, что там дети не только помогают работникам, но и прекрасно отдыхают, учатся общению с природой, встречают рассветы, наблюдают белые ночи... Гелий Николаевич организует им лодочные и пешие походы. Мы уже продумали работу по организации исследовательских заданий для детей. Они будут заниматься и научной деятельностью,

выполнять задания по ботанике, зоологии, экологии, ихтиологии, гидробиологии, энтомологии и так далее. В прошлом году на базе Елизаровского заказника выполнены исследовательские работы, получившие высокую оценку на областной экологической конференции. Так, например, группа ребят из кружка «Юный охотник» — руководитель Анатолий Михайлович Антипов — провела учет численности и кольцевания гоголя, а ученик 9-го класса школы № 1 Костя Осинцев оформил отчет и в декабре выступил с ним в Тюмени. Работа удостоена диплома 2-й степени. Благодарственное письмо получила работа «Суточная активность дрозда-рябинника», с которой выступила ученица 11-го класса школы № 1 Ирина Буханько — руководитель Надежда Николаевна Корнеева. А работа ученика 10-го класса школы № 3 Андрея Мохотова «Новые виды бабочек Тюменской области» — руководитель Павел Сергеевич Ситников, работник областного краеведческого музея, — получила диплом 1-й степени.

Виктор Геннадьевич: Несколько слов о выставке по охране природы нашего округа... Мы создали ее три года назад, а мысль о создании нам подала Antonina Федоровна Тарханова из окружного общества охраны природы. К месту будет сказано, это общество выставку и профинансировало. Неоценимую помощь в сборе и оформлении материалов оказали Обь-Тазовское отделение СибрыбНИИ, гидрохим-лаборатория, окружная санэпидстанция, инспекция рыбоохраны и другие организации... Выставка показала картину загрязнения и уничтожения природы, выявила предприятия, являющиеся наиболее сильными загрязнителями.

Людмила Александровна: С каждым годом у нас расширялся живой уголок, но теперь мы вынуждены его... сокращать.

— Сокращать живой уголок!

Людмила Александровна: Да. Если уж московский зоопарк испытывает трудности, то про нас и говорить не приходится. И вынуждены в первую очередь сокращать хищников — ведь им ежедневно требуется свежее мясо... Хомячки, мышки, кролики, ежик, черепашка, декоративные попугайчики, петушки — все, что осталось. Охотники-любители иногда приносят раненых птиц и зверей. Так к нам попали полярные совы, была енотовидная собака, зимовали лебеди... Ученики сюда идут с радостью. Ведь живой уголок — это место, где дети могут взять на руки живое существо, погладить его...

* * *

Такой вот получилась наша беседа. Началась она с сетований на нехватку денег для станции и закончилась тем же. Я не стал задавать моим собеседникам готовый сорваться с языка вопрос об отношении детей к «сокращению» живого уголка, то бишь «братьев наших меньших...». Ответ несложно предугадать. Но — это разговор уже на несколько иную тему — тему экологии души. И детских, и наших — взрослых людей — душ.

Беседу записал Николай Коняев

О ЖИВУНАХ И НЕ ТОЛЬКО О НИХ...

Теперь мы все понимаем, что в застойные годы сплошь и рядом велась варварская «хозяйственная» деятельность удельных князьков. Но и сегодня эта «деятельность» не везде приостановлена. Взгляните вокруг. В центре Ханты-Мансийска — смердящие свалки. Промышленные отходы гормолзавода, пищекомбината, рыбоконсервного комбината, городских бань, нефтебазы превратили ручьи родникового происхождения в ядовитые лужи. А что творится в масштабе округа? Отроги живуновых логов отнюдь не радуют глаз янтарем мать-и-мачехи или васильковой голубишной. Ржавый металл, битое стекло, щепка, хлам, потеки мазута в порослях бурьяна и чертополоха — вот современный пейзаж родниковых долин. В результате такой «деятельности» утратили свое значение практически все живуны, в том числе Сайгатинские в Сургутском и по протоке Баграс в Нижневартовском районе. А ведь живуны — это не просто ручьи родникового происхождения, — это своего рода «скорая помощь» рыбе зимой.

Наши горе-руководители, которые по долгу службы обязаны бы знать, к чему ведет даже незначительное превышение норм допустимой концентрации нефтепродуктов в воде, по-прежнему сливают промышленные отходы в живуновые лога. В зимний период живительные артерии передавливаются проезжими дорогами. Иногда под дорогой укладывают металлическую трубу для прохода воды, не учитывая, что зимой ручей изменяет русло, и вода в трубу не идет. Проектантам давно пора понять, что мосты через лога должны быть только перекидными. По причине строительства насыпного моста на перекрестке улиц Комсомольская и Большая Логовая дома, стоящие у ручья, были затоплены. В Ханты-Мансийске же из дома № 20 по

улице Пушкина канализация направлена к родниковому ручью. По-видимому, природоохранные органы считают этот источник полезным для людей и речных обитателей... Неужели на современном этапе нам предстоит испытать не только нехватку денег и продуктов, но и свежего воздуха и чистой воды?

Многие ученые, как отечественные, так и зарубежные, сопоставив данные по экологическому состоянию среды обитания в прошлом и настоящем, дают заключения о стремительной перемене к ухудшению. Создается впечатление, что наши руководители этих перемен не замечают. Мы слишком торопились к техническому прогрессу, и прогресс нами понимался как стремление во что бы то ни стало «переплюнуть» ту или иную страну в области создания чего-нибудь громоздкого — сверхнефте- или газопровода, атомохода и т. д. и т. п. Но мало кто думал о том, что прогресс не должен быть в ущерб нам и будущим поколениям. Мало кто думает об этом и сегодня...

Кто ныне ответит за экологический ущерб? Кто ответит перед людьми, которые родились в округе и берегли свой дом, как святыню? Их не нужно было учить беречь свои родные уголья. Они сами могли обучить этому кого угодно. А в том, что эволюция малочисленных народов Севера, их цивилизация произошли ускоренным путем — путем вмешательства более цивилизованных народов, — в том, на мой взгляд, мало хорошего. Само по себе вторжение в родовые уголья рыбаков и охотников, начало промышленного освоения нефтегазоносных районов — это первое звено в цепи нарушений экологического режима.

**Анатолий Ходырев,
г. Ханты-Мансийск.**

ПРИГОТОВЛЕНИЕ ЧОМЫХА И ЧИПА

Александра Матвеевна Тахтуева родилась в д. Юган в русско-хантыйской семье, много лет жила и работала в п. Угут Сургутского района. В настоящее время заведует сектором истории и этнографии отдела национально-культурного возрождения созданного в Ханты-Мансийске научно-исследовательского института социально-экономического и национально-культурного возрождения обско-угорских народов автономного округа. Много занимается описанием материальной культуры угутских ханты. Предлагаемые читателю материалы — небольшая часть ее рукописи, состоящей из «Юганских воспоминаний», хантыйских легенд и былей, описаний трудовых традиций, промыслов коренных северян.

Чомых — копченая рыба — излюбленное кушанье хантов. Для копчения отводили специальное место в стороне от дома. Ставили четыре стойки с развилинами, сверху на развилки клали перекладины. Мелкую, неразделанную и не посоленную рыбу частичковой породы нанизывали на рейки через жабры таким образом, чтобы она не соприкасалась. Рейки с рыбой укреплялись на перекладине и подвешивались над костром на расстоянии 80—90 сантиметров. Для того, чтобы огонь не был очень жарким и дымным, в костер шел сушняк тальника, время от времени sprыскивали водой. С ветренной стороны коптильня отгораживалась сшитыми полосками бересты, удерживаемыми кольями-стойками. Такими же полосами на кольях укрывалась коптильня и сверху в случае дождя. Чтобы рыба коптилась и подсушивалась равномерно, рейки периодически переставлялись. До тех пор, пока рыба не станет хрустящей. Чомых хранился очень долго, обычно его заготавливали на всю зиму — для себя и на корм собакам. Из очень сухого чомыха делали рыбную муку, она шла на заправку ухи. Зимой охотники брали чомых с собой на промысел. Хранили его обычно в берестяных коробах и кузовах, а также в амбарах и лабазах.

В ходу у ханты был чип — тонкая, сухая и мягкая древесная стружка. Его готовили только женщины. Лучший чип — зимний или весенний, то есть из мерзлой древесины. Из стволов березы, осины, тала или сосны выпиливали короткие чурки, раскалывали их пополам, вносили в дом и специальным тонким ножом скоблили стружку. Приготавливали чип обычно сразу на весь год. Стружку насыпали на нарту и хорошо проветривали на улице. Хранили в кузовах или больших берестяных сосудах-бочках, в лабазах, амбарах, под навесами. Использовался чип для обтирки рук, вытирания посуды, столов. Женщины использовали его при месячных, вкладывая как вату, в гигиенический пояс. Мужчины-охотники использовали чип для изготовления пыжей.

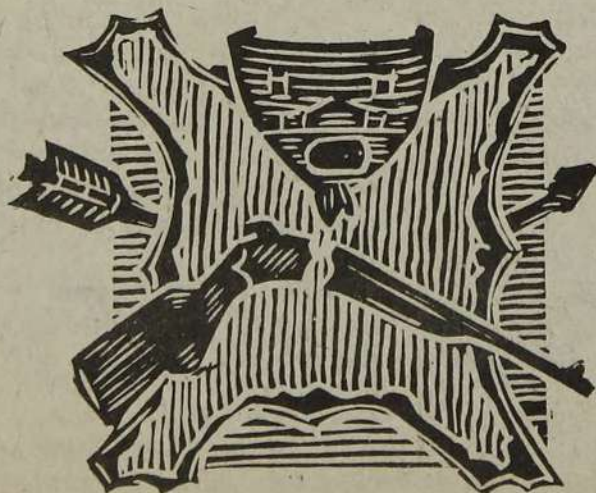

Рис. Г. Райшева

ИСТОРИЯ, БЫТ, КУЛЬТУРА ЮГАНСКИХ ХАНТЫ

Мировоззрение

На огромном коллективном и индивидуальном опыте базировались рациональные знания хантов, верно отражающие содержание и связи объективного мира. Главные занятия — охота и рыболовство — требовали умения, хороших знаний географических особенностей местности, биологии животных, метеорологии и т. д. Из поколения в поколение передавались накопленные веками результаты наблюдений за повадками объектов промысла, материалы о способах добычи тех или иных животных и рыб. Но все эти приобретения, практические и рациональные, ханты всегда связывали с якобы существующими сверхъестественными силами. Хотя при установке своих ловушек охотники и рыбаки тщательно соблюдали все меры предосторожности и учитывали особенности как ловушки, так и объекта охоты или рыбалки, а при изготовлении вещей аккуратно и точно исполняли все правила. Добившись успеха как в обычных, так и в непредвиденных обстоятельствах, они не забывали благодарить духов за покровительство.

Эти люди демонстрируют исключительную приспособленность к окружающей среде, хотя порой бывают бессильными объяснить свои успехи и достижения. Важным фактором в их жизни

является погода, и они научились по многочисленным приметам ее определять. К примеру, по луне, солнцу, по северному сиянию, по поведению птиц и животных, даже по своему состоянию.

Хорошо развитая локомоторная память позволяет им с первого раза запомнить все особенности местности, пройденного пути, отлично ориентироваться, давать точные названия урочищу, речке или озеру. Раз побывавший где-либо охотник сможет по памяти нарисовать вам карту тут же на песке или на снегу.

Счет времени и определение периодов велись прежде по ярким приметам (время больших морозов, снегов, максимальной численности комаров, большой воды, прилета и отлета птиц, цветения черемухи, шиповника и т. д.). И лишь с приходом русских ханты научились точному счету и определенным понятиям — таким, как неделя, месяц, год.

Не велся у хантов счет прожитым годам. Не имея летоисчисления, рождение человека или другое важное событие они фиксировали по отличительным особенностям того или иного года (год больших морозов, хорошего урожая кедрового ореха, жаркого лета и т. д.).

Мерой расстояний у хантов служили на реке — количество песков, при переездах зимой — число ночевков.

Измерения производились шагами, хватом рук, саженью, частями пальцев. Глубину воды меряли частями тела, веслом и другими предметами. Вес определялся объемами сосудов, подъемом руками, по внешнему виду. При первых общении с русскими появились понятия «верста», «аршин», «четверть», «фунт», «пуд», стали пользоваться безменом.

Не имея письменности, для передачи какой-либо информации ханты пользовались разными способами. Например, делали зарубки на дереве, на палочке, в качестве личной подписи ставили свою тамгу, крестик, рисовали зверька, птицу. На месте удачной охоты на медведя на стволе дерева топором оставляли запись, сколько добыто зверей, какого возраста, сколько участвовало при этом охотников, рисовали углем указатель на самострел, применяли указатели из веток, мха и другие.

Пожалуй, самой противоречивой сферой у ханты является мировоззренческая. Этот вопрос у них решается наивными представлениями, что когда-то тут было сплошное море, а суша образовалась в результате действий гагары и кулика. Весь растительный и животный мир создал верхний бог — Торум, который затем поднялся на небо. Также был и злой дух, который ушел в землю. Мир они делят на верхний и нижний. На тему мироздания у ханты есть много мифов о небесных светилах, о том, кто от чего произошел и каким образом. Но все, конечно, связано с животным миром, с темой охоты. Весь окружающий мир, с точки зрения ханты, заселен разными сверхъестественными существами. Кроме них, во всех предметах могут находиться еще и духи, они могут перемещаться и влиять на человека положительно или отрицательно, как им заблагорассудится, но они всегда бессмертны и невидимы. Поэтому люди должны строго соблюдать все правила поведения на все случаи жизни, чтобы не навлечь на себя и свои дела гнев духов.

Много внимания ханты уделяют лесным духам, так как, по их убеждению, от них зависит успех охотничьего промысла. На определенном месте устанавливаются деревянные идолы, которые

одариваются ценностями, чаще монетами, на деревьях священного места вешиваются различные ткани и другие подарки. Главному духу реки в воду бросают монеты, чтобы иметь успех в рыбном промысле. Домашних духов-идолов делают не только из дерева, но и из металла, камня, одевают в одежды из тканей и меха, украшают бисером и прочими мелкими вещами. Хранят их в избах или в амбарчиках. В представлении ханты каждую болезнь приносит определенный дух. Покровительство и поддержку они ищут и ожидают не только от добрых небесных духов, но также и от добрых духов нижнего мира.

Ханты верят в потусторонний, загробный мир. Когда человек умирает, они хоронят его на своем родовом кладбище. Прежде могилы выкапывались неглубоко, до полуметра (возможно, не позволяла вечная мерзлота, а также и неимение орудий труда, либо другие причины), в настоящее время, глядя на русских, стали копать в рост человека. Труп заворачивали в бересту, а теперь кладут в деревянный гроб. Умершему кладут немного пищи, вещи для рукоделия, украшения, орудия труда и охоты, ложку, котелок, чайник, трубку, табачок и др. Над могильным холмиком раньше ставили сосновую палку, а после крещения — крест. Над могилой строится сруб из бревен или досок в виде домика, с отверстием, рядом кладутся различные вещи: для ребенка — игрушки, для взрослых — весла, нарты, облас. В течение трех лет тут же у могильного костра устраиваются поминки, а в отверстие подают угощение.

Многие аспекты мировоззрения у хантов находят свое отражение в обрядах и верованиях, связанных в основном с охотой и рыбным промыслом. Здесь проявляется естественное желание иметь успех. Придя на место охоты или рыбного промысла, охотник должен соблюдать целый ряд правил. Прежде всего, нужно одарить местного лесного духа, чтобы добиться его хорошего расположения. Подарком может быть ткань, монета, шкурка первого трофея. Ханты считают, что он тут всего лишь гость, а хозяин здешних мест — лесной дух, поэтому всячески старается ему угодить и не нару-

шить установленных еще предками правил поведения в лесу. Охотник спрашивает разрешения у духов на рубку деревьев для строительства жилища или разжигания костра, ломку веток и так далее. В ночное время старается не шуметь, не говорить громко, чтобы не нарушить покой лесного духа. По окончании охоты оставлялась часть шкурок в дар духу за покровительство.

Охота на крупных животных ведется по определенным правилам. О медведе уже было сказано выше. Охота на лося тоже является как бы состязанием или партией вроде шахмат, в ней противники хорошо понимают ходы и замыслы друг друга. Существует также и лосиный праздник.

Почитаются у ханты звери и птицы белого цвета, с ними связаны многие легенды и мифы. На медвежьем черепе дается клятва, но самая сильная клятва — на шкуре медведя. На месте рыбного промысла тоже выполняется строго определенный обряд; водяного духа, как и лесного, щедро одаривают и исполняют необходимый в таких случаях ритуал.

Как видно из изложенного, вся деятельность ханты ограничивается определенными рамками, окультуривается, не допускается насилия над природой, рационально используется все без исключений. Отсутствуют жадность, обман, все согласовывается с совестью, с верой, все рассчитывается на вечность, чего, к сожалению, не хватает современным цивилизованным людям.

Брак. Организация семьи.

Достоверно известно, что в средних веках, а возможно и раньше, судя по характерным признакам бывших жилищ (археологических памятников), юганские ханты всегда жили большими семьями.

Богатые рыбой речки, зверем и птицей — таежные места обеспечивали длительное обитание людей на одном сравнительно небольшом участке. Имея такую возможность, род-семья не дробилась на отдельные части, все было обеспечено занятием в той или иной сфере хозяйственно-трудовой деятель-

ности. И всем хватало пропитания. В сложных ситуациях, которые возникали вследствие стихийных или иных бедствий, при взаимной выручке легче было выжить сообща, нежели в одиночку.

Жили в тесноте. Впрочем, мало что изменилось в этом отношении и до сегодняшнего дня. Женатые сыновья не отделялись от своих родителей и не уходили из отчего дома. Это они могли себе позволить лишь тогда, когда самый младший брат обзаводился семьей. Но и старшие при этом от ответственности перед родителями не уstraняются.

У каждой семьи в общем жилище имеется свое определенное место. Свои вещи у стариков, взрослых и детей. У мужчин это охотничьи и рыболовные снасти, инструменты, орудия труда, у женщин — одежда, посуда, очаг, дрова, все продовольственные запасы. Тут она считает себя полной хозяйкой.

Отношение к детям у ханты имеет некоторые особенности. Казалось бы, естественно для матери, родившей и воспитывающей своих детей, нести полную за них ответственность. Увы, отец и братья считают себя правомочнее матери, распоряжаются детьми по своему усмотрению, мать остается при этом как бы в стороне, не имея права на возражения. А если мужчинам покажется, что мать чем-то обидела ребенка или неподобающим образом с ним обошлась, то ей без промедления приходится получать встрепку.

Вступление в брак является важным событием в жизни ханты. Ему предшествуют поиски брачного партнера. Выбор невесты диктуется традиционными нормами. Невесту стараются брать из другого района, существует лишь запрет на кровные родственные браки с однофамильцами. Считается, что кровосмесительные браки приводят к рождению уродов и вымиранию рода. Прежде браки в большинстве случаев заключались по согласию родителей, а желание или нежелание молодоженов в расчет не принималось. Согласованность брачных пар могла быть лишь совпадением, а встречи молодых людей — лишь случайными, специально назначать встречу и открыто проявлять свои симпатии у ханты было не принято.

ИДОЛЫ.

Рис. автора.

Брачным считается у юношей возраст шестнадцать—восемнадцать лет, у девушек — тринадцать-четырнадцать. Брак мог заключаться и до того, невеста могла жить до определенного возраста дома, но также по согласованию и у жениха. Бывали и бывают браки с разницей в годах до сорока лет.

При случайных или специальных поездках родители заранее высматривают себе невестку. Главными достоинствами будущей жены должны быть ее трудолюбие и умение вести хозяйство, она должна быть хорошей рукодельницей. Внешние ее качества во внимание особенно-то не брались. А вот жена младшего сына могла быть и неопытной, потому что она попадала под опеку матери мужа, которая ее всему научит. Старшего сына старались женить на вдове, опытной во всех делах и ситуациях и имеющей все необходимое для жизни и ведения хозяйства, хотя отец отделял ему, как и положено, все необходимое, включая и часть оленей.

За столь деликатное дело, как сватовство, брался один из опытнейших родственников жениха. И надо отметить, что роль свою в этом непростом деле он играл чаще всего хорошо и добросовестно. Он приезжал или приходил в дом будущей невесты с подарками

и говорил при этом, что будет ходить до бесконечности, будет менять изношенную обувь, пока не получит согласия. Если родители невесты не отвергали свата, то начинались переговоры о выкупе, его размере. Это могли быть пушнина, ткани, олени, упряжь, деньги, вино. Сватовство могло повторяться более десяти раз. В зависимости от выкупа невеста могла ехать сразу в дом жениха или жить еще некоторое время дома. Перед отъездом родители складывали приданое невесты, дочь кланялась им и садилась в лодку или нарту. Говорились слова: «Пора ехать, дорога дальняя». В свадебный обряд входят многие элементы поведения невесты, сватов, родителей; все они связаны с жилищем, с предметами быта, тут подчеркивается культура невесты, ее мастерство в рукоделии, в быту, почитание родителей, жениха, родственников.

Одиноко живущие встречаются редко; если есть таковые, то по причине нехватки невесты или по физическому недомоганию. В прежние времена нередко встречалось и многоженство.

Замужняя женщина обязана закрывать лицо от деверя и старших братьев мужа. Это, вероятнее всего, было перенято от татар. Так они поступают и сегодня.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ШКОЛА

П. Ситников

За тысячелетие святая церковь, в руках которой находилась значительная часть учебных заведений страны (церковно-приходские школы, епархиальные училища и духовные семинарии) и государство, в руках которого были все остальные учебные заведения (различные типы училищ, гимназий), не смогли решить вопросы образования населения страны и около 75% его было безграмотным. Люди со средним и высшим образованием составляли незначительную прослойку. Если же говорить о национальных меньшинствах, населяющих просторы Севера, Сибири и Дальнего Востока, то в графе «образование» можно смело ставить прочерк.

А вот другие факты. Уже в 1930 году СНК СССР принимает закон о всеобщем обязательном начальном образовании. В законе о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—51 годы было намечено осуществление всеобщего обязательного семилетнего образования.

Если в центральных районах страны ускоренное развитие народного образования на базе начальной школы началось сразу же, как стала устанавливаться Советская власть, то в районах Среднего и Северного Приобья создание школ для обучения детей коренных народностей началось позднее, во второй половине двадцатых годов, а наиболее интенсивно школы стали открываться после того, как эти народности получили свою государственность, то есть после 1930 года, когда были образованы национальные округа.

Для меня наиболее близким и знакомым является Нижневартовский (до 1962 года Ларьякский) район, где я в течение длительного времени был связан со школой. Поэтому на примере национальных школ этого района и буду вести разговор. Положение их, думаю, было типичным.

Если становление школьного образования во всей стране испытывало трудности, то в условиях территориальной отдаленности, экономической и культурной отсталости районов Среднего и Северного Приобья, именуемых на языке ханты Югрой, точнее Югкрой (юг-дерево, кра-кривое), этот процесс шел наиболее трудно. Эти трудности усугублялись еще целым рядом обстоятельств. К их числу относилось отсутствие письменности у малых народов и кадров, владеющих языками этих народов. Немаловажное значение имело и то, что они с величайшей настороженностью и недоверием относились ко всему, что исходило от русских. Это вызывалось тем, что русские (а это были купцы и представители властей, служители православной церкви) в течение веков обманывали их, спаивали и грабили, используя природную доверчивость и простодушие этих детей природы.

Первая национальная школа в районе была открыта в Корликах в 1927 году, заведующим был Баландин А. Н., впоследствии автор ряда учебников для национальных школ. В 1930 году начала работать Большеларьякская начальная школа, которой несколько лет заведовал А. Д. Панкин.

Нужно иметь в виду, что некоторые национальные школы, в том числе

и Большеларьякская, содержались на средства Комитета Севера при ВЦИК РСФСР. Здание этой школы было построено так, что в нем размещались учебные классы, спальни и столовая для учащихся, а также квартиры для учителей. Кроме этого основного здания были хозяйственные постройки (типовой скотный двор и склад для хозяйственного инвентаря) и квартира для работника. Комплекс построек предназначался для содержания сельскохозяйственных животных, особенно коров, приучения детей к уходу за ними и пропаганды среди коренного населения необходимости разведения коров и перехода от полукочевого образа жизни к оседлому.

Другие национальные школы находились на местном бюджете в более стесненном положении.

В 1931 году в районе было всего три школы, из них две национальных. В 1932 году открываются еще две со смешанным составом учащихся — Охтеурская и Большетарховская. В 1933 году была открыта Толькинская школа.

О Толькинской школе следует сказать особо. Дело в том, что сообщение с Толькой могло осуществляться лишь в зимнее время, жители ее на все лето откочевывали к Чертову озеру и в поселке оставались в основном те, кто уже не мог заниматься физическим трудом. Так вот, учебный год в этой школе начинался с 1 января, продолжался в течение второй половины зимы и всего лета, а «летние» каникулы начинались в сентябре и кончались 31 декабря. В это время происходила смена учителей, потому что редко кто мог выдержать в такой изоляции более одного учебного года. Нужно сказать еще, что коренные жители Тольки называют себя хантами, не являясь ими на самом деле. Язык их близок к языку лесных ненцев, а внешний облик напоминает селькупов.

Когда в 1933 году Прасин пытался поднять толькинцев на восстание, учителя этой школы, в числе которых была К. Н. Пак, вместе с работниками Красного чума, продавцом, фельдшером и другими выдерживали «осаду». В составе Ларьякского района Толька была до 1957 года. В этом году она была передана в административное подчинение Пуровского района Ямало-Ненецкого округа.

В следующие годы открываются национальные школы в Сабуне, Колек-Егане, Красном Севере, Лапчинске и Пылино.

В 1936 году из состава Александровского района Томской области в административное подчинение Ларьякского района были переданы населенные пункты Нижневартовского сельсовета, расположенные по реке Оби. В двух из них — Мегионе и Вартовске (ныне Вампугольск) — были смешанные по национальному составу школы с преобладанием детей ханты.

Таким образом, сеть начальных школ в районе окончательно сложилась к началу сороковых годов.

До 1950 года была всего одна Ларьякская средняя школа, в средних и старших классах которой обучалось незначительное число детей ханты. В 1950 году была открыта Мегионская семилетняя школа, а в 1952 году Большеларьякская, года на два позднее — Большетарховская. Такая сеть национальных семилетних школ вполне обеспечивала осуществление семилетнего всеобуча детей коренной национальности.

Открытие Охтеурской и Корликовской семилетних школ состоялось в конце шестидесятых — начале семидесятых годов, когда в связи с выездом населения из Большого Ларьяка школа там была закрыта. К концу шестидесятых годов Мегионская школа перестала быть национальной в связи с полным изменением состава населения. Открытие нефтяных месторождений способствовало этому. Сейчас в районе функционирует шесть национальных школ.

Интересно проследить, как менялось число учащихся ханты. В 1931 году их было всего 33. Наибольшее число учащихся было в 1951 году — 311. Затем идет заметное уменьшение и лишь в 1962 году их число достигает 318. В настоящее время число детей коренной национальности в школах района

составляет 247 человек. Несмотря на то, что территория района увеличилась за счет Сургутского, число учащихся уменьшилось. Это очень тревожный симптом, он требует серьезного осмысления.

Если в начале тридцатых годов проблему составлял сбор учеников в школу, то уже к середине сороковых годов этой проблемы не существовало. Раньше нередко были случаи, когда детей прятали, увозили их в середине учебного года. Впоследствии такие факты, если и случались, то как чрезвычайное происшествие.

Надо сказать, что всеобучу детей коренной национальности придавалось исключительное значение органами власти. Для их доставки мобилизовался весь наличный транспорт, во все населенные пункты направлялись специальные представители и работники аппарата районо. Мне вспоминается такой случай. Работая в должности заведующего районо, я был вызван на заседание исполкома окружного Совета с докладом о выполнении закона о всеобуче. В тот год в районе не было охвачено учебой два человека, из них один ханты, поэтому я чувствовал себя довольно уверенно. Но кто-то из членов исполкома попросил назвать фамилии этих детей. Хотя фамилии эти были известны, но я не держал их в памяти и поплатился выговором за то, что, якобы, не занимаюсь конкретно всеобучем. Вот так.

Я уже отмечал, что серьезной проблемой обучения детей малочисленных народов являлось, да отчасти и сейчас еще является отсутствие письменности и кадров, владеющих их языком. В свое время делалась попытка создания литературного хантыйского языка на базе казымского диалекта и была издана часть учебников, но это не решило проблемы, поскольку для говорящих на других диалектах он был мало понятен, особенно для ваховских ханты.

В 1955 году была начата работа по созданию букваря на ваховском диалекте, проводилась она под руководством Н. И. Терешкина, научного сотрудника института языкознания Академии наук СССР. Значительную помощь ему оказали учителя Ф. Печиков и И. Сигильетов. В 1956 году букварь был отпечатан и наши школы его получили. Но мне кажется, что учителями он был воспринят без особого энтузиазма. И это была единственная печатная книга на ваховском диалекте.

Учебниками национальные школы обеспечивало Ленинградское отделение Учпедгиза. При этом не обходилось без курьезов. Иногда в наши школы засылались учебники на ненецком, коряжском, чукотском языках. Приходилось делать дополнительные заявки на русские учебники, и учителя пользовались ими, а из национальных использовались только иллюстрации.

Особую трудность представлял языковой барьер. В конце двадцатых-начале тридцатых это было особенно ощутимо, потому что в то время дети ханты, приходящие в школу, поголовно не знали русского языка, а учителя не владели хантыйским. Представьте себя на месте тех и других и вы поймете трагизм этого положения. Впоследствии несколько сгладилась острота этого вопроса, русская речь все более входила в обиход хантыйских семей, и дети в большинстве своем до школы овладевали ею, а учителя в какой-то степени овладевали (конечно, в очень малой) хантыйским в процессе обучения в Ханты-Мансийском педучилище.

Представьте себе такую картину. 18—19-летняя девчонка, вырванная из объятий родной матушки, волею неумолимого заведующего районо направлена на работу, скажем, в Комсомольскую школу. Время уже предосеннее. И вот она в легком пальтишке садится в обласок с двумя хмурыми на вид мужчинами, ей дают в руки весло (по обычаю хантов каждый из сидящих в обласке должен грести) и она отправляется в 4—5-дневное плавание сначала по реке Вах, затем по его притоку Кулун-Иголу, все против течения. А ночи уже темные и холодные, приходится коротать их на берегу у слабо горящего костра (ханты никогда не палат больших

костров, считая, что огонь костра нужен только для приготовления пищи). Претерпев все муки почти недельного плавания в верткой хантыйской лодочке-обласке в обществе людей, языка которых она не знает, девочка попадает в не менее суровую обстановку. Хорошо, если при школе есть комнатуха для учителя, а то придется жить в хантыйской избушке, населенной большой семьей. Судите сами, как она устроилась.

Вот и школа. Пять-шесть детей разного возраста расположились на шатких, наспех сколоченных скамейках, за шатким же, подчас неоструганным столом. Сидят и смотрят на нее далеко не дружелюбно. Что сказать им, не знающим русской речи! Как и с чего начать урок!

А потом длинные зимние вечера при скудном свете жирника, отсутствие почты и общения, скудное, однообразное питание, до тошноты надоевшая рыба, настороженное, а подчас и враждебное отношение окружающих, недоверчивость детей. Вот приблизительная картина жизни и быта первых учителей национальных школ. Их работу я считаю героизмом.

Программа и учебный план национальной начальной школы имели два варианта и были не такими, как в русской школе. Первый вариант был предназначен для школ тех народностей, у которых уже имелась письменность. Она была рассчитана на преподавание в первом и втором классах на родном языке и изучение русского как предмета, а в 3—4 классах изучение родного языка как предмета с преподаванием уже на русском. Второй вариант программ предназначался для тех школ, где обучались дети народностей, у которых еще не было своей письменности. К таким относились и школы Ларьяжского района. По этим программам преподавание должно было бы в первом и втором классах вестись на родном языке с изучением русского, а в третьем и четвертом уже на русском без изучения родного. Но если уж говорить честно, то преподавание на родном языке было просто фикцией. Все преподавание велось на «универсальном» русском. Вот чем обеднялось обучение в национальной школе и что приводило вольно или невольно к русификации коренного населения.

Серьезной ошибкой было, да и сейчас, пожалуй, остается такое высокомерно пренебрежительное отношение к местным обычаям, национальному декоративно-прикладному искусству, фольклору, традиционным видам трудовой деятельности. Возможно, именно сейчас мы особенно отчетливо понимаем все эти упущения и ошибки.

Обучение в национальной начальной школе было рассчитано на 5 лет. «Лишним» здесь был так называемый нулевой или подготовительный класс. В этом классе дети обучались русской разговорной речи с таким расчетом, чтобы в первом классе можно было начать обучение их грамоте. В наших условиях, конечно, русской.

При каждой национальной школе функционировал интернат, где дети содержались на полном государственном обеспечении. Государство не жалело средств на обучение малых народностей Севера, Сибири и Дальнего Востока. Тем самым оно признавало и платило долги за многовековую их эксплуатацию и ограбление. С другой стороны, государство стремилось поднять уровень культурного развития этих народов. Содержание интернатов требовало не только финансов, но и материального обеспечения (оборудование, постельное белье и одежда).

Когда я вплотную столкнулся с этими вопросами, меня поразило то убожество, которое я увидел. А это было уже в начале пятидесятых годов. Всего трудней было с одеждой. Потребовалось много времени и ряд организационных мер, чтобы интернатские дети стали одеваться более или менее прилично, а не в обшарпанные пальтишки, рукава которых тащились по полу.

Начиная с пятого класса обучение детей ханты шло по тем же программам, что и в русских школах. Но и тут шли двумя путями. Первый заключался

в создании смешанных классов. Стронников этого метода было больше. Второй путь — дети ханты должны обучаться отдельно, в специальных классах. Стронников его было меньше, и к ним принадлежал я. У тех и других были веские аргументы, но чаще верх брали первые, потому что на их стороне всегда был финансовый аргумент: детей ханты было мало, а смета не предусматривала создание классов с такой наполняемостью. Наш же аргумент заключался в том, что дети, не совсем твердо владеющие вторым языком, обычно думают на своем родном. Теперь проследите путь, по которому идет усвоение ими материала: услышав или прочитав по-русски новую мысль, он переводит ее на родной, на нем осмысливает и усваивает, но выразить понятную на родном языке мысль надо опять на русском, значит, приходится делать обратный перевод. Процесс длительный и трудный, а многие учителя, не понимая этого, сетуют на то, что дети ханты соображают медленно и плохо усваивают материал. На самом же деле все обусловлено именно тем, что процесс усвоения идет у них на двух языках. И как бы он ускорился и давал значительно лучшие результаты, если бы преподавание шло на их родном языке. Дети малочисленных народов нашего севера не менее других сообразительны, а в художественном отношении значительно одареннее других. Чтобы убедиться в этом, достаточно увидеть, как у них из простой лучинки, расщепленной и специально изогнутой, получается красивый стилизованный северный олень с разветвленными рогами.

Мои записки будут неполными, если я не скажу о тех, кто положил много сил на обучение детей ханты. В этом ряду я первым назову Е. И. Долгушина. После окончания Тобольского педагогического техникума поработав некоторое время в Сургутском районе, в 1934 году он приехал в Ларьякский район, работал в Ларьякской школе, затем длительное время был заведующим Большеларьякской начальной школой, воевал на фронтах Великой Отечественной войны, был тяжело ранен, стал инвалидом. Вернувшись с фронта, работал в районе, затем снова в Большеларьякской школе, а перед выходом на пенсию заведовал интернатом Ларьякской школы. Сейчас Ефима Ивановича уже нет в живых.

Всю жизнь проработала в национальных школах Т. И. Смирнова, прекрасно овладевшая хантыйским языком. Большую часть жизни отдали национальной школе А. Л. Рябкова, К. В. Николаева (Вогулкина), К. А. Баширова (Рамазанова), А. А. Сигильетова (Шашкова), Т. С. Токарева, А. И. Лескова (Смирнова), А. Д. Меркушина и многие другие.

Здесь я упоминаю только тех учителей, которые работали в тридцатые-шестидесятые годы. Характер и цель моих заметок состоят в том, чтобы показать первые шаги в развитии национальной школы и ее становлении. Сейчас же, я полагаю, наступил период ее полной зрелости. Сейчас другие условия ее существования, другие цели, люди и другая география. Те учителя, которых я назвал, подготовили почву для ныне работающих.

Мы вправе поставить вопрос о том, оправдала ли национальная школа те надежды, которые на нее возлагались, достигла ли она цели? Я отвечу на него однозначно: да, оправдала надежды, достигла цели. Эти народы создали свою национальную интеллигенцию. Из их среды вышли ученые, писатели и поэты, художники, учителя, врачи, средние медработники, инженеры и техники, общественные и государственные деятели — словом, специалисты с высшим и средним образованием в различных областях деятельности. А фундамент заложила национальная общеобразовательная школа, несмотря на все просчеты в ее организации, на все, что послужило причиной возникновения негативных явлений в жизни народов Среднего и Северного Приобья. Так воздадим же хвалу всем, кто вложил свой труд в дела национальной школы и кто эти дела продолжает.

СИСТЕМА РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ХАНТЫ И МАНСИ

В. Плесовских

От редакции. Владимира Ивановича Плесовских (1930—1985) многие помнят не только как журналиста, но и как интересного лектора-краеведа, продолжительное время возглавлявшего и объединявшего всех лекторов-общественников округа.

Любовь к краю многие годы вела Владимира Ивановича в его исследовательском труде, который в 1981 году завершился в виде объемистой рукописи под названием «Динамика духовной культуры коренного населения Обского Севера».

Эта итоговая работа, результат собственных наблюдений и размышлений и изучения многочисленных литературных и архивных источников (в библиографическом указателе — 201 название), до сих пор немногим знакома. В ней дан широкий обзор общественно-экономической и духовной жизни населения югорской земли как в условиях дореволюционной России (социальное устройство, экономика, культура, просвещение, быт, система религиозных представлений, попытки христианского просвещения), так и в послеоктябрьский период.

Мы имеем возможность только представить рукопись и опубликовать фрагменты одного из ее подразделов — «Система религиозных представлений». Купюры обозначены отточиями в начале следующего за пропущенной частью текста абзаца. Тех, кто захочет прочесть всю работу от начала до конца, отсылаем в краеведческий отдел окружной библиотеки.

Публикацию подраздела считаем наиболее уместным предварить следующим лирико-философским вступлением самого автора, взятым из введения к рукописи.

«К избранной теме мне удалось прикоснуться случайно. В далеком теперь 1944 году мы с другом забрели в урман Люлимвор. Заменяя ушедших

на фронт, мы, подростки, старались делать все: летом рыбачили, зимой белковали.

Урман вздымался синей загадкой над Сосьвинской поймой, казался таинственным и романтичным. Едва дождавшись осенних каникул, по мелко-снежью отправились мы промышлять, но силы свои не рассчитали, опыта для профессионального охотничьего дела не было.

И вот, когда, вконец измотанные, присматривали место, где развести костер и устроиться на ночлег, случайно натолкнулись на избушку.

Столик в одну плаху, сиденья-чурбаки, нары, железная печка, дрова, спички, сухая растопка, крупа, соль, сушеная рыба... Дворец!

Кто-то неведомый позаботился о нас или о ком-то другом, кто так же мог попасть в критическую ситуацию. И только значительно позднее я узнал, что мне посчастливилось на себе испытать одну из добрых традиций таежников-сибиряков — оставлять запас в охотничьей избушке...

...Я взялся за перо для того, чтобы, в сущности, продолжить эту традицию, оставить «запас» тем, кто скоро придет вместо меня. «Урман», в который я приглашаю, не менее сложен, чем Люлимвор. Он уводит в дебри истории, в сложный мир духовной жизни коренного населения Обского Севера».

...Имеющаяся литература о системе религиозных представлений дает разные оценки уровня развития культа. По аналогии с религиозными системами других народов Сибири она в большинстве источников обобщается термином «шаманизм». Причем, одни авторы утверждают, что этот термин произошел от эвенкийского «саман» — возбужденный, доводящий себя до иступления человек, другие выводят его даже из маньчжурского языка.

Но если учесть, что он вошел в употребление стараниями православных миссионеров, которые таким образом подчеркивали «неистинный», «еретический» характер религии коренного населения Сибири, а сами эти проповедники православия двигались вслед за первопроходцами с Запада на Восток, уже повстречав на своем пути вогульские поселения, то, на наш взгляд, этот термин происходит от мансийского слова «сам» — глаз. «Саман», следовательно, «глазастый», «предвидящий» — это одна из функций служителей культа, которые должны были предсказывать виды на промысел, места, где наиболее удачно можно было вести промысел, сбор ягод, орехов и т. д.

Сам термин «шаманизм» ничего не раскрывает в системе религиозных представлений ханты и манси. Если сравнить его с классической формой шаманизма бурят или якутов, то там, во-первых, почитались души умерших шаманов и шаманок, а у угров — души всех умерших; во-вторых, там существовали династии служителей культа, т. е. считалось, что особый шаманский дар был врожденным и наследственным, а здесь он оставался на ступени родового шаманства, где шаман еще не профессионал, но выделялся из общей массы, как служитель родового культа, хранитель традиций и обычаев рода.

Не было здесь и иерархии служителей культа. Таким образом, до развитого шаманизма на Обском Севере система религиозных представлений не дошла. Она была ярко выраженным политеизмом (многобожием), в котором нашли свое место все ранние формы религии: анимизм, тотемизм, фетишизм и магия.

...Совокупность представлений людей дорелигиозной эпохи могла существовать в форме аниматизма, т. е. всеобщего оживотворения предметов окружающей природы, не отличающихся от самого человека.

...Интересную систему представлений об окружающем мире нарисовал Арсеньев, описывая своего героя гольда Дерсу Узала. Для этого сына

природы все, что его окружало, было «люди». Солнце, вода, лес, огонь, тигр и т. д. — все «люди».

...Аниматизм оставил свой след даже в лексике современных языков. Если мы говорим «солнце встает, садится», «лес шепчет», «камыш дремлет», «звезды смотрят», «вьюга злится», «река спит» и т. д., то здесь надо видеть не только стремление людей сделать свой язык образным, но и закрепленные в языковой практике аниматические представления прошлых времен.

Это оживотворение не было религией до тех пор, пока человечество не внесло в систему своих представлений мифологического, сверхъестественного элемента.

...Исходной точкой религии надо считать анимизм («анима» — душа), то есть идеалистическую, религиозную систему представлений о существовании нематериальных, бесплотных духовных сущностей, которые могут отделяться от тела и продолжать самостоятельную жизнь.

...Богатейший материал для изучения системы анимистических представлений ханты и манси дает фольклор, к сожалению, пока еще плохо изученный. Наряду со сказаниями о богатырях-воинах, о ловкости охотников и рыбаков, в нем отражены народные представления о происхождении мира, о появлении самого человека. Леса и реки в этих сказаниях населены многочисленными духами, от которых зависит успех в охоте, рыбном промысле и вообще благополучие человека.

Интересно то, что духи чаще всего антропоморфны: они охотятся, делятся на фратрии и роды, имеют семьи. Каждый род духов живет на определенной территории, в пределах которой он может промышлять и вообще жить, копируя до деталей жизнь людей.

Кстати, представление о различии «души» и «духа» хотя и не очень резкое, но есть. Душа, по представлениям верующих, имеет временное жилище. Если это временное жилище умирает (разрушается), душа находит себе новое, постоянное жилище и превращается в духа.

Хантыйские и мансийские духи подразделяются на множество лесных, горных, водяных. Вот некоторые из них (я применяю знакомую мне с детства мансийскую терминологию): дух воды — Вит хон (вит — вода, хон — царь), владычица речных пойм — Лув-нюрм-нэ (буквально: женщина лошадиного луга), Пелымский старик — Полум ойка (дух, проживающий со своим родом на реке Пелым), Среднесосьвинский старик — Тахыт-котль-ойка (распоряжается со своим родом в окрестностях юрт Тоболдинских), Тахыт-кталих отыр — повелитель верховья Сосьвы, Ас-яныт-котль-ойка — старик-бог повелитель реки Оби, Хуль отыр — владыка подземного мира, Куль отыр — злой дух, Вор мис нэ — лесная женщина мис, т. е. добрая лесная волшебница, Вит мис нэ — добрая водяная женщина, Ур мис хум аги — дочь доброго горного волшебника, Сакв толях-ойка — старик вершины реки Ляпина, Ломпус пупыг ойка — старик-божок Ломбовожских юрт и т. д.

Вначале все эти «менквы» и «мисхумы» представлялись равными между собой, в чем отражалась идеология родового равенства людей. Но после распада первобытно-общинных отношений в мифологии появляются мотивы, отражающие социальное расслоение людей. Духи, как и люди, становятся зависимыми один от другого.

Так, духи гор, леса и воды стали подчиняться духу Щохринг ойке (буквально: старику с ножом), которому платят налоги, ясак. Щохринг ойка в свою очередь подчиняется Толя урынг-ойке (буквально: «хранитель кольца»), далее все эти духи подчиняются младшему сыну Нуми-торыма (верхнего неба, верхнего бога) — Мир суснэ хуму — мировому наблюдателю.

Интересно в этой иерархии то, что она копирует социальное устройство дореволюционного общества. Верующие ханты и манси говорят, что чум Нуми-торыма так далеко, что никакая молитва до него не доходит. Поэтому де обращаться надо к тем духам, которые находятся в непосред-

ственной близости. (Это очень напоминает русскую пословицу «До бога высоко, до царя далеко»).

...В некоторых фольклорных источниках посредником между верхним небом и земными духами называют «отца всех шайтанов» духа Ялпус-ойку. На наш взгляд, это лишь иное название Мир суснэ хума. Если он командует людьми, он Мир суснэ хум, если имеет дело с духами — Ялпус-ойка. (Кстати, Ялпус-ойку называют «стариком из священного города» и тоже младшим сыном Нуми торыма, например, Вежакарские ханты).

Возможно также, что эти разные названия принадлежат разным фратриям: одно — фратрии Пор, другое — фратрии Мось.

Одним из олицетворений Ялпус-ойки считается «когтистый старик» — медведь. Речь о его месте в системе религиозных представлений пойдет позднее.

Множественность терминов, обозначающих одного и того же духа, может быть следствием многих причин: и наличия различных диалектных языковых групп населения, и исключительной образности языка в хантыйском и мансийском фольклоре, и влияния идей православия, когда «един в трех лицах» — Мир суснэ хум, Ялпус-ойка, медведь.

...Особенностью анимистических представлений обских угров является то, что количество духов постоянно пополняется, т. к. душа каждого умершего превращается в духа. (Исключение составляют лишь ваховские ханты, которые считают, что души умерших превращаются в медведей). «Добрый» он будет или «злым» по отношению к живущим, во многом зависит от того, с какими почестями пройдет захоронение. Поэтому в могилу складываются подарки, личные вещи, которыми умерший будет пользоваться после смерти.

Захоронения делаются в срубках, напоминающих по своей форме небольшие домики с двухскатной крышей, высотой 60—70 сантиметров. В одной из стенок сруба у головы покойника делается небольшое оконце, которое можно открыть и через него проводить периодические «кормления».

Вера в то, что после смерти дух умершего живет такой же жизнью, как и до смерти, требовала определенных культовых действий. На могиле убивали оленя, обеспечивали покойника предметами домашнего обихода, одеждой, орудиями промысла.

Вот что по этому поводу пишет А. А. Дунин-Горкавич: «Об обрядах при погребении можно составить понятие и по следующим собранным мною фактам. На Покуре весной 1898 г. (должно быть, в марте месяце) хоронили остяка Семена Ларомкина. Гроб сделали шириною в 1 аршин и вышиною 3/4 аршина; положили туда топор, нож, ноговицы, ружье, котел, чайник, пять фунтов калачей да в рот дали еще калач. Запасной одежды Семен еще при жизни заказал не класть». (Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север, т. 1, Тобольск, 1904, с. 96).

В другой могиле при ее вскрытии обнаружено такое имущество: оленья шуба, черный бараний полушубок, желтый головной платок, холщевый армяк, старая небольшая шуба, старое суконное пальто, оленья шкура, медный котел без ручки, деревянная чашка, деревянная сломанная ложка, топор-нож в ножнах, опояска, три пары ноговиц, пара сапог с голенищами, старые триковые шаровары, блюдце, чайная чашка, кисет с табаком, коробка спичек, две стрелы, две шапки, два байковых зипуна, табакерка с нюхательным табаком, семь копеек денег, изображение оленя, вырезанное из бересты, ситцевая рубаха, двое рукавиц, гарусный шарф, медный крест (там же, с. 96).

С анимистическим культом мертвых был связан и такой обычай. Жена умершего вырезала деревянную куколку-идола, в которого должна переместиться душа покойного. Она наряжала его, разговаривала, советовалась, угощала и укладывала его с собой в постель. Это общение с идолом продолжалось примерно в течение пяти лет (хантыйский год равен 6 месяцам). По истечении этого срока идола хоронили, соблюдая все правила похорон, и женщина считала себя окончательно свободной от брачных уз. В религиозных представлениях

и суевериях многих народов имеет место вера в существование и появление призраков. Это и есть анимизм чистой воды. Призрак не что иное, как душа умершего, отделившаяся от тела и продолжающая самостоятельное существование.

«Мне удалось узнать о следующем образчике суеверий. При прощании с покойником, чтобы он не очутился на том свете за каменной стеной и можно было бы с ним увидеться, родные и знакомые точат на брус нож, причем брус из рук в руки не передают, а кладут его на отдельное место для того, чтобы каждый подходил и брал его сам. Брус в обыденной жизни остяки не передают один другому из рук в руки, разве только в каких-нибудь спешных случаях, и то не с ладони, а с противоположной тыльной стороны руки» (там же, с. 95).

Культ мертвых — проявление анимизма, но он, как это видно на примере сооружения идола в честь умершего, определяет содержание другой формы религиозных представлений — фетишизма.

Фетишами становились не все предметы, а избранные по каким-то особым качествам. С точки зрения верующего, такое качество предмет получает, когда в него вселяется что-то сверхъестественное. Именно это доказывает, что без анимистических представлений не могло бы быть и фетишистских.

Среди особо почитаемых фетишей у народностей ханты и манси — «Обской старик», «Медный гусь» и «Золотая баба».

«Обской старик» («Ас котль яныт ойка» — манс.), как это показывает само название, был наиболее древним из богов. Идол (фетиш) его находили в окрестностях устья Иртыша. Там же было и жертвенное место. Автор «Краткого описания о народе остяцком» Г. Новицкий, видевший этого идола, описывает его так: «Некая доска, на которой нос изображает жестяная

труба, стеклянные глаза и небольшие роги на голове; идол покрыт разными рубищами, а сверху накинута на него красная (красивая) одежда с золотой грудью».

«Обской старик» пользовался всеобщим почитанием угров, потому что он был идолом бога — хозяина водных просторов, и от него «зависел» успех или неуспех на рыбном промысле. Поскольку рыба была основным продуктом питания и обеспеченность пищей во многом зависела от режимов погоды и вообще от природных условий, то промысловики посредством жертв идолу рассчитывали умиловить природу и создать наиболее благоприятные условия для промысла.

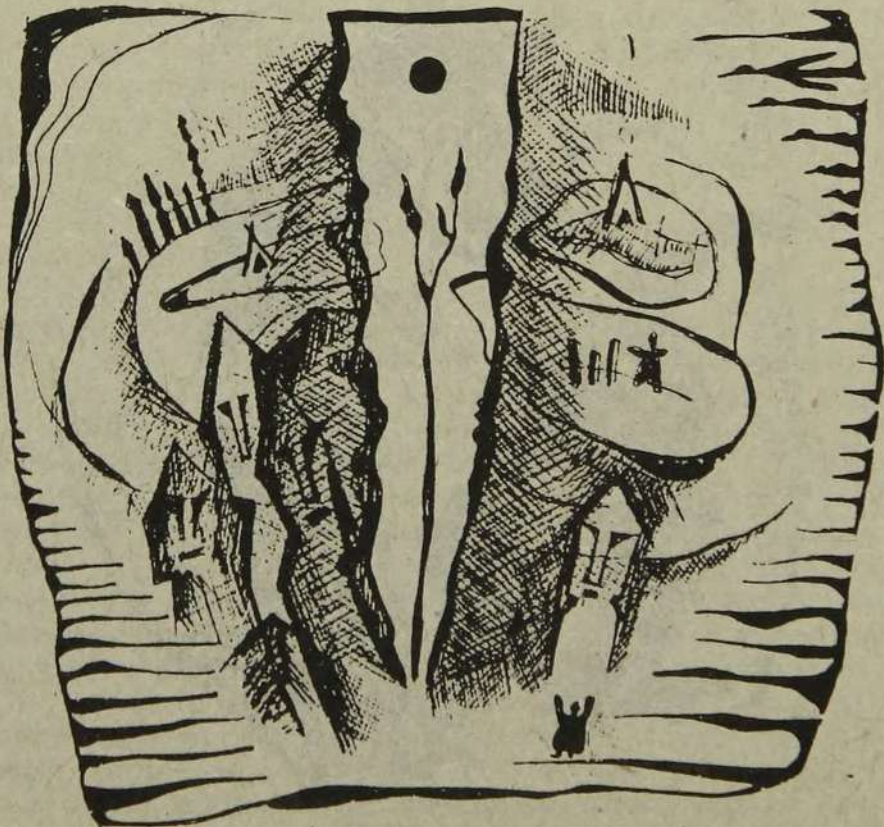
«Около этого бога лук, стрелы, панцири, копья и прочее вооружение его, которым он иногда принужден бывает сражаться с другими водяными богами. В честь «Старика обского», пишет Г. Новицкий, — устроено две кумирни — одна при устьях Иртыша, а другая — на самой великой реке Оби; он живет попеременно по три года в каждой».

Поклонение этому фетишу совершалось так: когда наступает пора промысла рыбы, шаманы этого идола объявляют, что бог требует жертв и обещает за это хороший улов рыбы.

Ханты, захватив орудия промысла, бросаются к реке и первую попавшую нельму, осетра или муксуна приносят в жертву идолу. Они варят рыбу и мажут жиром рот и нос идола. Все остальное рыбаки съедают сами вместе с шаманами.

После первой жертвы начинается основной промысел. Если он удачен, «обской старик» и обслуживающие его шаманы получают все новые и новые подарки от рыбаков.

«Но случается иногда, что жрецы «старика обского» объявляют волю этого бога о жертве и рыбной ловле преждевременно, то есть не рассчитав времени выхода рыбы из моря в реку Обь. Эта ошибка дорого обходится ни в чем не виновному упомянутому богу. Остяки, не уловив рыбы,

бросаются к кумирне и начинают всячески ругать своего «старика»: «Ты забыл, кричат они, почести, воздаваемые тебе нашими отцами и праотцами, не радеешь о нашем промысле и губишь нас голодом». Этого мало — вытаскивают идола из кумирни, обвязывают его веревкою и таскают по разным нечистым местам, топчя ногами и оплевывая его» (Буцинский П. Крещение остяков и вогулов при Петре Великом. Харьков, 1893, с. 25).

В этом отношении к идолу одного из главных богов четко прослеживаются черты фетишизма, сформировавшиеся еще в эпоху первобытного равенства всех членов родовой общины. Бог представлялся равным со всеми и должен был «работать» как все. Обычно идол был наказанным до тех пор, пока не наступали сроки настоящего промысла и пока рыбаки не удовлетворялись богатыми уловами.

...Когда православные миссионеры добрались до «Обского старика» и бросили его в костер, то его душа «от пламене подобием лебедя излетевшего», — пишет Григорий Новицкий. Это еще одно свидетельство того, что фетиш потому и почитается, что в нем особая душа.

«Медный гусь» находился в Белогорских хантыйских юртах на р. Оби. Он был отлит из бронзы и помещен в гнездо, сплетенное из кусков сукна, кожи, холста. По представлениям верующих, этот идол был жилищем духа — властелина промысловых птиц. Приношение жертв этому идолу совпадало с другим важным промысловым периодом, когда начиналась летняя линька уток и гусей и возникала возможность их массового вылова.

Как свидетельствует П. Буцинский, вместе с «медным гусем» здесь хранился и еще один идол, по всей вероятности, являющийся изображением бога зверей. Увидеть этого идола не удалось, потому что спасая от сожжения христианами проповедниками, ханты упрятали его, передав в другое место.

Но самым главным и особо почитаемым идолом была легендарная Сорни-най-«Золотая баба». До сего времени существует множество легенд о происхождении ее и даже местонахождении. Некоторые утверждают, что «Золотая баба» могла быть одним из идолов дохристианской эпохи на Руси, которую, спасая от уничтожения, постепенно увозили все дальше и дальше, пока она не оказалась в Югорских землях. Существует также мнение, что она могла быть произведением самих аборигенов или даже вывезена уграми из Рима, когда они будто бы делали набег в составе орд кочевников. Легенд много. С ними можно познакомиться в хорошей книге Ю. Курочкина «Легенда о Золотой Бабе», изданной в Свердловске в 1968 году.

Одни утверждают, что этот идол находится где-то на р. Конде. Ссылаясь на Г. Новицкого, П. Буцинский пишет: «Он находился в кумирне, в которую не только простой смертный, но и князь не смел входить; только один главный шаман имел это право. При кумирне всегда стояло два сторожа, одетых в красные одежды и с разукрашенными копьями в руках. Вогулы рассказывали русским, что когда этот бог захочет жертв, то издаст голос, наподобие голоса ребенка». (Буцинский П. К истории Сибири. Сургут, Нарым, Кетск до 1645 года. Харьков, 1893, с. 27).

Такой «Золотой бабой» могла быть и «Калтась ами» (буквально: «мать родов»), проживающая у юрт Калтасьянских на р. Сосьве (Березовский район). Раньше на поклонение этой богине, считающейся матерью Мир суснэ хума («мирового наблюдателя») и, следовательно, женой Нуми-торыма, съезжались не только сосьвинские и кондинские манси, но и обские ханты.

Наконец, таким идолом мог представляться любой из многочисленных каменных или деревянных истуканов, разбросанных во многочисленных местах огромной Югорской земли.

Известно, например, что, желая добыть золото из Согомской «старухи» — каменной бабы, тобольский купец Сыромятников нагревал ее в пламени огромного костра, обливал водой, пока не убедился, что в каменном истукане никакого золота нет.

Интересное сообщение об истории этого идола сделал 11 апреля 1964 года по окружному радио научный сотрудник сельскохозяйственной опытной станции В. Бухменов. (Текст приводится в сокращении).

«...Интерес ...к великому идолу — «Золотой бабе» подогревался таинственностью сибирской земли, ее несметными богатствами... Великий идол принимал различные формы и одеяния, менял местонахождение на карте. Из всех крайне противоречивых сведений прошлых веков можно заострить внимание на следующем: «Золотая баба» или «Старуха» иногда фигурировала не золотой, а каменной, у бабы на руках был ребенок или два ребенка. Уместно вспомнить, что еще митрополит Симон упрекал инородцев в начале XVI в. в поклонении «Золотой бабе» и болвану «Войпелю».

В переводе с языка ханты «Вой» — означает лось...

В 1963 году от ханты Данила Петровича и Гаврила Петровича Сургучевых, проживающих в поселке Согом, я услышал довольно странное название охотничьего угодья — «Старухин лес». Они мне рассказали легенду.

На племя, что кочевало в верховьях рек Конды и Юконды, напали плохие люди. В неравной борьбе погибли большие и малые. Спаслась одна старуха с двумя детьми. Ее долго преследовали по лесам и болотам. Вблизи горы Полуденной, когда стрелы преследователей стали настигать беженцев, лось, на котором ехала старуха, попал в трясины и увяз. Обессиленная старуха еле-еле доползла до вершины холма и окаменела там вместе с детьми. С тех пор так и стоят они каменные. На болоте — лось («войпель»), а невдалеке на холме близ Хой речки — старуха с детьми. Это предание о каменной старухе передается из поколения в поколение...».

Далее В. Бухменов говорит о трудностях пути к идолу, чем и объясняют, что он до сих пор мало известен историкам и этнографам. Заканчивает повествование он так:

«Таким образом, древний идол был, наконец, найден и сфотографирован. Каменная баба сейчас лежит без головы, отбиты груди и разбиты детеныши. Не раз в поисках золота ее калили огнем, затем обливали водой, чтобы она треснула, копались под ней...».

Кстати, легенды о золотой богине — это не монополярное представление обских угров. В знаменитом карело-финском эпосе «Калевала» мы найдем такое обращение одного из героев с заклинаниями к наиболее могущественным покровителям:

«Дочь прекрасная творенья,
Ты, краса, злотая дева,
Ты, древнейшая из женщин,
Ты, что мать была всех раньше...».

Совершеннейшая копия угорских представлений о Калтась-ами — матери родов, прародительнице!

Итак, золотых богов было много. Одни почитались на реке Казым, у ваховских хантов был свой «бог с золотыми волосами», среднеобские ханты Низямских юрт (Октябрьский район) поклонялись «богу с золотыми руками и ногами» — «сорни ёш итат урт, сорни кур итат урт».

Сведения о том, что якобы идола «Золотой бабы» угры перевозили с места на место, на наш взгляд, надо объяснять не действительной миграцией идола, а тем, что у каждого племени был свой «золотой», т. е. особо почитаемый, идол. Если учесть, что известия о них поступали в разное время, то совершенно очевидна иллюзия его миграции.

[Окончание в следующем номере.]

Рис. А. Мухаметовой.

ПЕРВАЯ КУЛЬТБАЗА

Первую в округе Казымскую культурную базу начали создавать по решению Комитета Севера при ВЦИК в марте 1930 года в 17 км от устья реки Амни. К концу 1931 года здесь было уже 14 строений: больница, школа с 17 учащимися, интернат, Дом туземца, ветеринарный пункт, показательная юрта, баня-прачечная, склады, овощехранилище, ледник и кухня, три жилых дома.

В коллективе работало 37 человек, из них пять — представители коренных национальностей Севера. В их распоряжении был 36-сильный катер, четыре лодки-неводника, пять лошадей, 225 оленей, в т. ч. 50 транспортных. На территории, обслуживаемой культбазой (около 40 тыс. кв. км.), могли разместиться два современных Сальвадора, Недерланды или Швейцария.

К этому времени было сделано девять выездов в хантыйские юрты, проведено 34 собрания и беседы, организован культпоход «За грамоту казымских остяков». Десять его участников тремя группами прошли пешком по лесотундре от стойбища к стойбищу 330 километров.

Работники культбазы приняли участие в организации национального Казымского Совета и кооперативного (интегрального) товарищества. А через пять лет здесь уже активно действовала самостоятельная административно-хозяйственная ячейка — Совет, культбаза, колхозы.

17—18 апреля 1936 года здесь состоялась первая олимпиада хантыйского национального искусства. Накануне прошел слет охотников. Среди его участников были промысловики В. И. Аликов, С. А. Обатин, Анна Обатина, И. П. Ерныхов, Г. И. Ерныхов, С. Н. Молданов, Г. А. Тарлин, Н. М. Тарлин, А. З. Тоголмазов, Г. З. Тоголмазов, рыбаки-охотники Даниил Тоголмазов, Александр Ерныхов и другие. Передовой охотник Н. П. Волдин при плане первого квартала 510 рублей

добыл пушнины на 824 рубля, а лучшая охотница Зоя Пендахова — на 700 рублей, в т. ч. 165 белок, три горноста и лисицу.

Вместе с прибывшими охотниками и жителями окрестных юрт на олимпиаду собралось 120 человек. После торжественного открытия гостей пригласили на выставку изделий мастеров народного творчества. Многие участвовали в соревнованиях по национальным видам спорта. В программе олимпиады была и конференция женщин.

Но главным событием стал большой концерт национальной художественной самодеятельности. Семь лучших исполнителей получили премии. Это Зоя Пендахова за игру на тумране (губная бандурка), Татьяна Тасманова и Н. И. Ерныхов — за исполнение танцев, Ольга Ерныхова и Дарья Тарлина — за песни и танцы, Анна Обатина — за пение и Г. З. Тоголмазов — за танец и рассказ.

А вот строки из отчета Казымской культбазы за 1940 год — в Доме народов Севера за год побывало 1850 человек, работали различные кружки, регулярно демонстрировались кинофильмы, проводились беседы, лекции и доклады. Национальное население переходило на оседлый образ жизни. Много новых домов было построено в поселке Юильский — центре колхоза им. Первого мая, в юртах Кислор, Нумто, Хуллор.

И еще одно сравнение: если в 1931 году в школе Казымской культбазы было только 17 учеников и учебный год продолжался всего 92 дня, то в 1940 году школьные занятия начались в срок, за парты село 260 учащихся, из них 145 — представители северных народностей.

Н. Патрикеев,
заслуженный работник
культуры России.

(По архивным источникам).

Теперь уже далекий 1955 год. Из Нахрачей (ныне с. Кондинское) вышел катер с большим неводником, наполненным ящиками с водкой. Место его назначения — Карымский рыбокооп. На этом неказистом суденышке ехала в экспедицию по сбору лингвистического материала, фольклора манси для написания диссертации по восточному диалекту (Юконда) мансийского языка автор этих строк, аспирантка Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР.

ВОСТОЧНЫЕ МАНСИ

Е. Кузакова, кандидат филологических наук.

Как ехали, сколько дней (ночью катер не шел) и сколько команда выпила водки — лучше не вспоминать. Худо ли, хорошо ли, но я добралась до цели. Работала в июле в Шугуре, в августе в Левдыме и Кошате, в сентябре — в Карыме. От селения к селению передвигалась разным способом: на маленькой колданке, по лесным дорогам и болотам.

Район Юконды в 1955 году еще не был тронут промышленниками: была красивая зеленая тайга, чистый воздух, река без масла и мазута, ведь моторных лодок не было и машин тоже. Катер ходил, наверное, раз в месяц. Не зря про реку Юконду сложена замечательная песня, записанная мною в Левдыме от двух женщин манси Екатерины Абакумовны Нертымовой и Василисы Федоровны Шивторовой. Я не знаю автора песни, возможно, это Матрена Панкратьевна Вахрушева. В песне есть такие слова: «...хорошая моя вода моей Юконды обильной, хорошая моя вода моей Мольмы питательной. Половину ведра серебра зачерпну, половину ведра золота зачерпну... Вода моя — извилистая кишка гуся, вода моя — извилистая кишка утки... Милая моя Юконда. Золотая моя вода...». В этих и других очень теплых словах песни о реке и ее воде раскрывается огромная любовь народа Юконды к природе.

Население жило в колхозах, работали на полях, фермах, рыбоучастках. В Карыме был сельсовет, семилетняя школа, в которой в одно время учились мои два брата из Евры — Петр и Аркадий. Основными жителями Карыма были манси Вахрушевы, Копьевы, Чадовы, Чалкины, Кошата—Шивторовы, Кутмаровы, Чалкины и др., Левдыма — Нертымовы, Шивторовы, Шугура — Нертымовы, Шивторовы, Чалкины, Чукутаевы, Чернецовы и др. В те годы имела место миграция манси: так, по Юконде жили Молотковы из Сатыги, Нертымова Екатерина Евдокимовна из Леушей, были жители из Васпуголя Самаровского района.

В те далекие годы по Юконде было много и других селений: Ларья, Каурья, Ленгурья, Яхотпаул, Винтья, Невлачкино. Теперь же, насколько мне известно, на карте остался только Шугур. Интересно, где теперь люди, которые жили в 1955 году в тех селениях! Видимо, как и мои земляки-евринцы, разбрелись по округу. С некоторыми из них я встречалась в Половинке, Урае при посещении этих мест в 1984—88 и 91 годах.

На моей фотографии 1955 года село Шугур: небольшие домики с двухскатными крышами, огороды, кругом обильный травяной покров, лишь тропинка

ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ.

ведет к реке. На берегу стоят козлы, с помощью которых пилили тес продольной пилой. В селе строили магазин.

Народ был доброжелательным, гостеприимным. Но мои предложения рассказать сказку на мансийском языке, поработать согласно моему плану встречали смехом. Помню, Андрей Михайлович Нертымов, которому в то время было всего 25 лет, сказал мне: «Зачем записывать поганый мансийский язык! Кому он нужен!». Думаю, это было сказано потому, что все манси свободно говорили на русском языке и не понимали значения общения на своем родном языке. Интересно, где теперь Андрей Михайлович! И что он думает о своем родном, но уже значительно, видимо, утраченном языке! Однако с ним мне работалось хорошо, он имел четыре класса образования.

Манси Василий Прокопьевич Нертымов сообщил мне в 1955 году интересные сведения о прошлом Левдыма, который раньше был городком. В Левдыме престольным праздником считался Петров день. Сюда съезжались манси из Яхоупауля, Кошата, Вершины и др. На Святой горке праздник длился в течение двух-трех дней. В жертву духам резали скот. Непременными инструментами на таких гуляниях были мансийские пятиструнная бандура и девятиструнный журавль. В Левдыме был первый церковный приход, второй — в Сатыге, куда ходили манси из Шугура, Карыма и других селений охотничьими тропами и таежными дорогами.

Население пожилого и среднего возраста, как правило, было неграмотным. А те, кому было по 25—30 лет, имели образование от одного до четырех классов. С таким образованием манси работали завхозами, кассирами колхозов, базистами рыбокооп. Мне удалось встретиться только с одним учеником девятого класса — Нертымовым Юрием Михайловичем и одним манси-учителем Карымской семилетней школы. Это был Копьев Василий Федорович.

В Шугуре я впервые встретилась с явлением многоженства у манси: Шивторов Михаил Павлович, семидесяти семи лет, и Чукутаев В. (имя и возраст не помню) в 1955 году имели по две жены.

Что касается родного языка восточных манси, то, как и в других селах Конды, он находился на стадии ассимиляции и исчезновения. Мне еще удалось собрать большой материал на восточном диалекте, значительная часть которого опубликована в журналах «В помощь учителю школ Севера» и «Советское финноугроведение».

Восточный диалект очень отличается от северного, положенного в основу литературного мансийского языка. Значительны отличия в фонетике: в восточном 18 гласных и 29 согласных, есть пары передне- и заднеязычных гласных а-а, о-о, у-у, есть дифтонги, нет стечения согласных, но есть чередование согласных, тогда как в северном этого нет и гласных 12, согласных 27. Есть отличия в лексике и словообразовании. Восточный диалект стоит ближе к верхнекондинскому. Применялся родной язык восточных манси в основном в домашнем быту, рыбаками-охотниками более пожилого возраста. Но интересно то, что многие русские и ханты, проживавшие тогда по Юконде, свободно пользовались разговорным мансийским языком, именно восточным диалектом.

Как и в других районах округа, сохранилась здесь интересная топонимия. Местности, реке, озеру и вообще любому водоему манси давали названия по внешним признакам и характеристикам, по внутреннему содержанию водоема, наличию животного и растительного мира, а также по религиозным представлениям. Жаль, что в те годы, когда многие манси еще владели родным языком, значительная часть мансийских названий так и осталась не переведенной на русский язык.

У РОДНОГО ЧУГАСА

РОДНЫЕ ЧУГАСЫ

— Баба Таня, расскажи нам что-нибудь! В такую новогоднюю ночь что-то бы интересное послушать. Спать не хочется!

Упрашивали-упрашивали. Наконец, баба Таня согласилась.

— Что вам рассказать? Память-то плоховата, многое стало забываться. Вот вспомнила. Расскажу одну давнюю историю. Старики нам говорили, а им их старики. Так вот. Где мы сейчас живем — было море!

— Море?! А как люди жили?!

— Так их в то время здесь не было. А когда пришли люди с теплых мест, то стали селиться около воды. Шайтан-море не пускало людей на свои берега! Шибко злое было — часто злилось! Подымет горы-волны, забурлит, вспенится, как хлестнет волной по берегу — человека нет, утащит в свою пучину. Сколько рыбаков, охотников погибло! Тьма тьмуца! Не сосчитать! А люди все шли и шли на берега моря. Стали Шайтан-морю подарки приносить, чтоб оно смирилось.

— А что дарили морю?

— Всякие подарки были. На деревья по берегу моря вешали убитую птицу — то глухаря, то косача или рябчика, то утку. На берег клали убитого лося, оленя или медведя. Хлестнет Шайтан-море волной — нет подарка! Утащит. Прожорливое было! Ненасытное!

Постепенно Шайтан-море смирилось. Стало отходить все дальше и дальше. Совсем ушло. Оставило после себя озера, сора, реки и речки, непроходимые болота.

Вот у нас имеется гора Чугас, а дальше еще такой же Чугас — как два братца-близнеца, друг на друга похожи. И стоят они одни-одинешеньки, как две сиротиночки, на всем левобережье Иртыша. А когда-то они были соединены в один Увал с берегом, что за рекой. Как образовались эти Чугасы? Шайтан-море сделало! Море размыло Увал в двух узких местах. Вот и стало два Чугаса.

— Баба Таня, а почему они называются Чугасами?

— Кто его знает? Старики передавали, будто бы на Увале жила какая-то семья, Чугасами себя называли — старик со старухой и три сына. Старики есть старики, прожили свою жизнь, захворали и умерли. А может, Шайтан-море утащило. Жили бедно, все в одной землянке. После смерти стариков в наследство остался сыновьям только один топор. Стали думать братья, кому отдать топор. Думали-думали — порешили пользоваться вместе чтоб никому не было обидно.

Разошлись братья по своим вотчинам. Старший ушел на дальний мыс, средний облюбывал середину Увала, а младший остался на месте, где жили старики. Жили-поживали в своих чумах. Ружей в то время не было,

стреляли из луков стрелами. Зверей ловили ямами, рыли их на звериных тропах. Ставили черканы, самострелы. Птиц ловили слопцами, пленицами. На рыбу ставили в речках морды. Собирали ягоды, кедровые орехи. Так и кормились.

В хозяйстве всегда требовался топор — то дров нарубить, то какую-нибудь ловушку сделать. Как без него? Природа наделила братьев силенкой. Понадобился топор — кричали или свистели друг другу, а то на высокое дерево ставили условный знак. И перебрасывали топор друг другу. Но ведь все время не будешь сильным, когда-то подойдет старость. Она незаметно и подошла к старшему брату. Понадобился топор среднему брату — свистнул старшему. Старший, сколько было в нем силы, бросил — топор летел, летел, долетел до половины пути и упал, получилась рассечина в земле. В рассечину попала вода. Дальше — больше, вода стала размывать рассечину. Появился ручеек, из ручейка образовалась речка. Речка выросла в реку. Река отделила дальнюю часть Увала. Появился средний (ближний) Чугас.

Потомки младшего брата жили на Чугасном мысу, что за рекой. С появлением высоких крутых берегов по обе стороны реки появились холодные пронизывающие ветра, они дули здесь, как в трубу. Жители были вынуждены переселиться с Чугасного мыса к подножию Среднего Чугаса. Здесь густой лес защищал от холодных северных ветров, с юга защищал высокий Чугас, здесь было теплее в зимнее время. Так появились Зимние юрты. С одной стороны большая река, с другой — речка Чугасная, по ней ездили рыбачить на озера Кривое, Мамонтово, Сорок и на речку Вареньяга. По Вареньяге можно попасть на Шинак-тор или на речку Летнюю. Но так можно было ездить только в весенний разлив и в большую воду. Со спадом воды на летний период стали переселяться из Зимних юрт по большой реке на северную речку. Жили здесь только летом. Так появились Летние юрты и речка стала называться Летней. От Зимних юрт до речки Летней тянулась лесная грива. Недалеко от Зимних юрт на гриве было «святое место»: на высоких ножках (столбах) стоял шайтанский лабаз — амбар. В лабазе хранились деревянные божки, завернутые в лоскутья, как куклы. Сюда съезжались ханты из окрестных мест для проведения языческих обрядов — устраивали медвежьи пляски, несли приношения, подарки шайтану (пушнину, вяленую рыбу, деньги), забивали скот.

Ездили зимой на собаках да на оленях. Лошади, коровы, овцы появились с приходом татар и русских. Жили очень бедно, часто голодали. Посуду делали из береста, дерева или глины. Освещались лучиной или у чувала. Бань не было, мылись в речке. Летом каждый день и ночь находились в дыму у дымокуров, спасаясь от комаров и мошек. К голоду, грязи, нищете прилипали разные болезни — трахома, парша, чесотка, чума, цинга. Нередки были годы, когда болезни губили целые семьи. Особенно гибли люди в весенний период от цинги. Начинался настоящий мор. Вот где сейчас торговая лавка, раньше на этом месте находился ясашный двор. С приходом татар ханты были обложены ясаком — платили дань татарским ханам. Каждую весну после ледохода по реке спускались татарские сборщики ясака. В один из таких приездов татары обнаружили мор. Поголовно все население болело цингой. Татары и прозвали это место цинготным. Так появилось название Цингалы.

— Девки, ведь уже утро!

— И, правда, на улице светло.

— Я, старая, с вами запуталась. Вас уже дома, наверное, ищут.

ШИЛИКУНЫ

Вечером пришли маскированные — шиликуны. Первым показался в избе кто-то в вывороченной наизнанку разноцветной шубе и такой же шапке. За ним горбач в длинном черном пальто, на голову нахлобучен картуз. Потом завалилась целая цыганская семья. Следом балалайка затренькала и вошли еще четверо — не поймешь, то ли черти, то ли ведьмы. Страшные такие! Мишку-медведя какой-то дядька на веревке держал. Всю избу заполнили. Баба Таня сразу бросилась к нам:

— Ребятишки, залезайте на печь!

Я, Катька да Тишка — сосед мигом залетели на печь. Баба Таня обратилась к вошедшим:

— Вы только к ребятишкам не лезьте, не напугайте их!

И началось! Заиграла балалайка. Кто танцует, кто частушки поет. Мишка с дядькой тоже не отстают — дядька вприсядку танцует, Мишка то на одной ноге, то на другой вперевалку. Цыганка стала гадать:

— Парасковья Кондратьевна, покажи-ко мне свою ручку. Посмотрю твои линии. Скажу тебе сушью правду, что у тебя в жизни было, что есть и что будет. О! Линии-то у тебя нехорошие! Вот смотри-ко, как они пересекаются. В молодости у тебя почти ничего хорошего не было. Да и сейчас этим не богата, несладко живешь — муж тебя бьет, вы часто ругаетесь, одни неприятности. Но ты еще долго поживешь. Не унывай! Терпи и крепись!

Бабе Тане цыганка наговорила почти то же самое. Только добавила, что жить ей осталось немного.

— Я и сама знаю, и готовлюсь к этому. Все равно конец когда-нибудь да придет. Не сегодня, так завтра.

— Цыганкой-то кто нарядился?

— Как кто? Разве не узнала? Соседка, Аглаида Лосева! Она хоть голос изменила, но меня не проведешь, — сказала баба Таня.

— А цыганом, думаешь, кто? Сестра ее Ангелина! Вот она и молчит, чтоб не узнали. По походке видно. Цыганенка не узнала. Наверное, их брат Борька или кто из девок.

— Горбач-это, я думаю, Паша Чагоров! — сказала мама.

— Колдун да ведьма кто?

— По-моему, Настенька да Дуська Исаковы!

Остальных так и не могли узнать. Ну, шут с ними. Танцевали-танцевали — пыль столбом подняли. Видимо, упарились. Горбач поперхнулся и говорит:

— А что, хозяйева, подача-то будет? Ми-ни-мально! Мак-си-маль-но! Бо-бер! Бо-бер! Да-моч-ки! Да-моч-ки!

— Будет, будет, Паша Чагоров!

Баба Таня юркнула в казенку-кухню, забренчала там рюмками и бутылками, налила самогону и вынесла на подносе.

— Угощайтесь, дорогие шиликуны!

— О! Идет да жжет! Другую ждет!

— Где первая, там должна быть и вторая!

Баба Таня еще налила по рюмочке. Наряженные поблагодарили, раскланялись. Заиграла балалайка. Все с шумом вывалились из избы, настала тишина, только в ушах звенело треньканье балалайки, гаданье цыганки да Пашино «ми-ни-маль-но, мак-си-маль-но, бобер, бобер, дамочки». Тишка убежал. Оськи и Маньки дома не было. Наверное, тоже где-то ряжеными ходят. Долго я не мог уснуть — в глазах все мельтешили шиликуны.

РОЖДЕСТВО

Наступило рождество. Рано утром, только-только солнышко высунулось из-за частокола деревьев, слышим — поют под окнами:

— Коледа, коледа, подай пирога!

Не подашь пирога — разломаю ворота, двери выставлю, избу выстужу!

Садись, баба, на лыжи, катись в подполье —

По пирожки, по шанежки, горячий хлеб!

Открывайте сундучки-подавайте пяточки!

Нам не надо пяточки — надо гривенники!

Заскрипели ступеньки на крыльце. Загромотили в сенях. Открывается дверь, и кто-то прямо в дверях сваливается под ноги. На него валятся другие. Получилась куча. Кто кого давит — не поймешь!

— Эй, вы! Быстрее закрывайте дверь, а то избу выстудите!

— Ты чего падаешь? Порог-то не видишь?

— А ты что толкаешься!

— Это Тишка в шушуне своем запутался да и шапка у него не по голове, отцовская, вот он и не видит ничего, — оправдывается Алешка. У порога выстроились: Мишка и Колька Мамыкаевы, Ванька Слинкин, Алешка Белкин, Тишка Салтанов — сосед. Поздоровались почти хором.

— Вас что мороз-то не держит? Да в такую рань? Сидели бы дома — носы не знобили да сопли не вымораживали!

— У вас что-то сумки-то пустые?

— А мы тодько начали!

— Ну, давайте еще спойте!

Все запели хором коледу.

— Что еще знаете?

— Мишка, расскажи что-нибудь! Ты ведь в школе учишься! — стали просить ребята. Мишка выступил вперед:

— Зима!.. Крестьянин, торжествуя,

На дровнях обновляет путь...

— Хорошо! Молодец! Кто еще расскажет?

— Мы в школе не учимся. Стишков не знаем.

— Почему не учитесь? Вот Тишка, Колька, известно, еще малы. А Ванька, Алешка?

— Мне ходить не в чем. Розка спит, вот я ее катанки и одел, — оправдывался Алешка.

— Меня тятя с мамой не пускают. Говорят, я еще дурак.

— Ха-ха-ха! Ну, уморил! Ничего, Ванька! Дураки-то умнее бывают. Это в сказках они дураки. У тебя еще все впереди, ум наживешь.

Это с ними вел разговор мой отец. Потом он обратился к матери:

— Парасковья, уважь-ко их!

Мама принесла в блюде ягодные пирожки, картофельные шаньги, дала каждому. Поблагодарив, ребята с шумом вылетели из избы.

Вечером приходили взрослые парни. Они степенно прошли в передний угол, где были иконы, и что-то пели божественное. Говорят, «славили». Их угостили по рюмочке. Манька с Оськой тоже где-то славят.

КРЕЩЕНИЕ

Подошли крещенские морозы. Взрослые говорят, сороки на ветру замерзают. Воробышков в это время на улице не увидишь — все попрятались по дворам, держатся вблизи теплых мест. Как они, бедные, переносят такую жгучую стужу, да еще голодные? Сколько их тоже гибнет! А еще говорят: плюнешь — плевков падает ледяшкой. Вот какие были морозы! Дух захватывает! Недаром дед или отец зайдут в избу белы-белехоньки; брови, усы, бороды в ледяных сосульках. Мороз — морозом, а люди делают свое. Говорят, приехал из Филинска поп, собирает старух и стариков с иконами. Моя мама сняла иконы из переднего угла и ушла к часовне. От часовни все они с иконами пойдут на реку, выдолбят длинную прорубь и в ней будут купать иконы, чтобы они были чистыми и святыми, и вода от этого становится святой. После этого освященные иконы и святую воду несли домой. Иконы водружали на старое место, а воду наливали в лампы. Над каждой входной дверью чертили углем кресты, чтобы в избу не попал злой дух.

В такие морозы мы сидели дома, но боялись на улицу высунуть. Катька играла самодельными куклами, которые ей шила Манька. Оська меня научил бабки превращать в коней. Для этого я из ниток делал хомут с гужами и шлеей, надевал эту сбрую на бабку — бабка становилась конем. Теперь коня надо запрячь. Нужны дуга и сани. Дугу сгибал из веничного прутика, сани делал из спичечного коробка, надо было только воткнуть в него оглобли, тоже из веничного прутика. Вот и вся сбруя готова, лошадь в упряжке. Наделаю таких упряжек несколько, свяжу их арканами-ниточками, нагрузу сани разной кладью и отправляюсь в ямщину по всей избе — то в Семейку, то в Чембакчину, то даже в Тобольск. Катьку тоже беру с собой. Чего ей дома скучать, пусть в дороге на белый свет посмотрит — все же разнообразие. На стоянках лошадей распрягаем, поим, кормим. Потом снова в путь. Ездишь так, ездишь и уснешь на полу.

Из пустых спичечных коробков делали также колеса для водяных мельниц, домики и разные фигурки, из соломиноки — гирлянды, из бумаги вырезали кружева для полочек. В таких забавах проходила длинная-предлинная холодная зима.

ВЕСНА

Вот и настала долгожданная весна. Как мы ее ждали! Зима страшно надоела своими жгучими холодами. Думали, что ей уже не будет конца. А тут вдруг весна с солнечными припеками, с лужами, криком перелетных птиц, воробьиным чириканьем. Даже петухи оживились — стали петь весело, голосисто-задористо. Разве усидишь в такое время в избе? Да никогда!

Первым прибежал ко мне босиком сосед Тишка, хотя еще на улице лежал снег. Дома наши стоят напротив, через дорогу. Такие перебежки с каждым днем учащались с его и моей стороны. Игры стали проходить веселее. А с Катькой что? Девчонка и есть девчонка! У ней на уме только одни куклы! То она их пеленает, то распеленывает, то убаюкивает, чтоб спали. Одна скука. А вот с Тишкой веселее. У него тоже полно было бабок-лошадей. Запряжем их. Он в одну сторону поедет в ямщину, я в другую по избе. В условном месте встретимся. Сколько при встрече вопросов! Сколько разговору! Говоришь, как мужик с мужиком. Узнаешь, что продал, что купил или выменял. Домой чего только не привезем: и продукты питания, и сладости, и подарки, и даже лекарства. У Тишки младшая сестра Танька была слепа, так мы ее понарошке лечили водяными каплями.

Тут же в избе играли в бабки. Бабки были раскрашены в разные цвета — чернильные, луковые, чаговые. Ставили их в один ряд по несколько штук с игрока. Это называлось коном. От кона шагами отмеривали условное расстояние, по кону били битами. Биты делали так: в одной из бабок сверлили отверстие и заливали в него свинец, чтобы бита была тяжелой. Такими битами играли взрослые парни, мы играли облегченными. Выигрышной бабкой считалась поваленная. Разбитый кон пополнялся новыми бабками в условленном количестве. Кто был в выигрыше, чувствовал себя счастливым, гордился этим, изображая героя. Проигравший — наоборот. У обоих развивался азарт, каждый стремился обыграть напарника. В такие моменты бывали споры, ругань, дело доходило даже до драк. Так случилось и в этот раз.

— Ты что опять со слезами идешь? — встречает баба Таня. — Что опять не поделили?

— Тишка в бабки меня обыграл! Он все мухлует. Не по правде играет.

— Чего плакать-то! Сегодня он тебя обыграл, завтра ты его. Надо только не поддаваться. Ты не просто бросай, а хорошенько прицелься да не торопись, бросай уверенно, — наставляла меня баба.

И правда, на другой день я Тишку обыграл у себя дома. Обошлось все тихо и мирно.

На улице стало тепло! Солнышко словно решило в один миг сразу растопить весь снег. Потекли журчащие звонкие ручейки; сливаясь в один поток и набирая силу, они затопляли низины.

Курицы во главе с петухом были полными хозяевами на улице, разгребали навозные кучи. Петухи вступили в соревнование — кто кого перекричит. Особенно старался выделиться соседский исаковский красный петух с богатым хвостом из темно-зеленых и темно-синих перьев с золотистым отливом. Взлетит на изгородь да к-а-а-к закричит! На всю деревню слышно. Потом посмотрит по сторонам — вот какой я есть! Лучше меня никто не поет! Соскочит с изгороди и начинает своих куриц в кучу сганивать: расторорщит одно крыло до земли, а сам шурует зазевавшуюся непослушницу и на своем языке выявляет недовольство: «Почему без моего разрешения разбрелись

в разные стороны? Впредь чтоб этого не было! Кто здесь хозяин?!».

Ручейки-то мы уж не пропускали. Где ручей — там и мы. Это одно удовольствие — послушать журчание ручейков. Они ведь журчат не одинаково, у каждого свои перезвоны. Помогают их создавать и водичка, и травка, и камушек, и сама матушка-землица. Слушаешь, слушаешь, и не можешь наслушаться. А со дна ручейка выглядывает только-только появившаяся молоденькая травка.

На ручейке мы делаем запруду и ставим в нее водяное колесо из спичечных коробок или в юрок втыкаем лучинки. Надоест это — пускаем кораблики с парусами.

— Ванька, пойдём к нам! У меня ноги замерзли. Дома меня бить будут.

Я посмотрел на Тишкины ноги. И правда, чарки у него от воды расквасились, раскисли, открыли большой рот, как у лягушки, из дырки выглядывает красный палец. Я посмотрел на свои ноги. Мой палец хотя не выглядывал, но ноги были мокрые и тоже мерзли.

Стая уток пролетела и села на озерко за деревней. (Сейчас это озерко высохло, осталась болотина и по ней проходит улица).

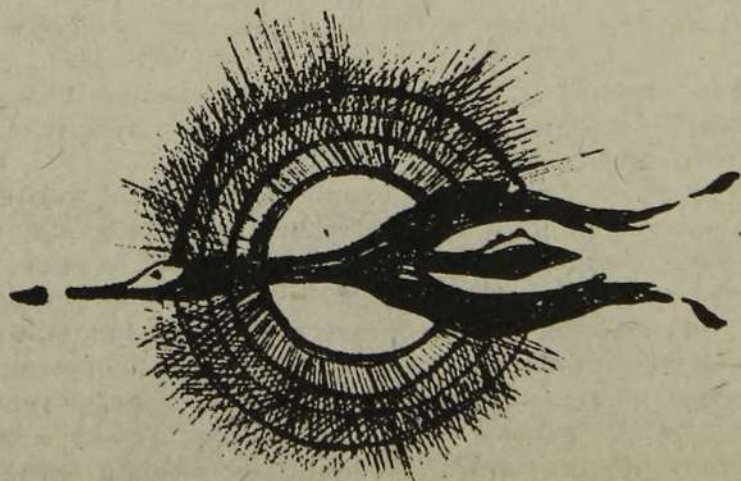
— Баба Таня, утки прилетели! Мы их видели! Они за Андреевскими на озерко сели. Вот бы ружье да пальнуть в них! Мы замерзли, пришли погреться.

— Ты что, дитячко?! Это же божье создание! Ты хочешь жить? Хочешь. Вот и уточка хочет жить. Каждая земная тварь божья, и она хочет жить и оставить после себя потомство, чтоб земля, наша матушка, не пустовала. Нельзя уточек бить! Я вот вам расскажу одну быль — про маленькую уточку-чирка.

УТОЧКА-ЧИРОК

— Есть на свете маленькая уточка-чирок. На вид неказистая, серенькая, но зато умница большая. Прилетела она весной из теплых краев на свою родину. А родина-то у нее была недалеко от нашей деревни — у Сунт-су-саба. Это ручей так называется. Знаете его?

— Знаем! Знаем! Мы в прошлом году бегали туда. Там окуней очень много было.

— Раньше старики вблизи деревни уток не стреляли, пленицами не ловили, гнезд не разоряли. Уточки поэтому человека не боялись, были как бы домашними. Солнышко закатится, оставит только алую-алуую зарю. Сядешь вечером на крылечко и слушаешь. А тишина-то какая! И — вдруг тишина нарушается. Вот перепелочка за двором заскрипела. Уточки закричали, крыльями машут, видимо, свадьбу играют. А то вдруг филин как закричит: «Фуб-бу! Фуб-бу! Фуб-бу!». А то сова лихомерно захохочет. Даже страшно становится! Птица, как и человек, разговаривает, но по-своему. Так бы и слушал ее целую ночь. Это раньше так было. Теперь другое.

Так вот. Косили мы траву у Сунт-су-саба. Кошу это я, кошу. Вдруг почти из-под самой литовки: «Фыррр...!». Я даже испугалась! А это вылетела из травы маленькая утка. Я заглянула в травку, а там гнездышко, в гнездышке яички лежат. Полюбовалась я ими. Думаю, бедненькие вы мои! Сейчас вот лежите вы яичками, потом будете пуховичками, потом уточками-сестренками да братцами. Разлетитесь в разные стороны. Что ждет вас впереди? Как сложится ваша жизнь? Бедные вы мои!

Утка сделала круг и вдруг как бы упала возле меня, крыльями замахала, затрепыхалась. Подскочит и опять затрепыхается, все дальше и дальше от меня. Это она меня от гнезда отманивала. Умница ты моя! Да не стану я твое гнездо зорить! Отошла подальше и продолжала свой покос. На другой день осторожно проверила гнездо. Уточки нет, яички лежат. Видимо, улетела на кормежку. Пришло время — в гнездышке послышалось попискивание. Ну, слава богу! Появились на свет. А потом и гнездышко опустело. Где теперь утка находится со своими пуховичками?

Как-то через неделю рано-рано утром я вышла во двор. Смотрю: что-то колышется на дороге. Присмотрелась — вижу уточку, а за уточкой маленькие-маленькие черненькие утятки. Куда мать — туда и они. Все семейство пробежало мимо часовни через дорогу и скрылось в росистой травке. То ли это была моя утка, то ли другая. Бедненькие вы мои! Какие вы беззащитные! Пока мама жива, она вас сохранит и защитит. А вдруг с матерью случится беда, что с вами будет? Кругом у вас враги. Всюду за вами следят зоркие глаза лисицы и волка, коршуна и ястреба, даже щука не прочь вас схамкать. Как вы от всего этого сохранитесь? А человек-то! Разумное существо. И он на вас! А что он говорит? На мой век хватит? Нет, не хватит! Тебе уж не хватает, а внукам и правнукам ничего не достанется. Они будут уточками любоваться на картинках. Теперь выйдешь на покос — кругом тишина. За целое лето уточки не увидишь и голоса ее не услышишь. А кто в этом виноват? Человек виноват! Надо уточек любить и беречь. Это же краса природы. А вы говорите, — надо пальнуть в них! Нехорошо это.

ДЕД МАРТЫН

Дед Мартын Васильевич был коренастого телосложения, среднего роста, широкоплеч, имел большую седую бороду и усы. На все руки был мастер, за что ни возьмется — дело из рук не вываливалось. Он мог дом построить, стул и стол сделать, колясочку для ребенка выточить на своем самодельном деревянном токарном станке, веретешек наделать, раскрасив их

разными красками, корыто или лодку из дерева выдолбить, из корня прялку смастерить, из береста кузов сшить для рыбы или ягод, из сагальника морду сплести для ловли рыбы. Для всех этих работ имел нужный инструмент. Никто его не учил, доходил до всего самоуком.

Помню, я уже самостоятельно ходил. Слышу: через сени во второй половине дома кто-то стучит. Открываю дверь, а там дедушка. Первый раз я зашел в эту половину. Чего только тут нет! А стружек, стружек, сколько! А запах какой! То ли смолой, то ли дегтем, то ли клеем пахнет — не поймешь. Дед посадил меня на новенький стул. Стул тоже этими запахами пропах. Сижу я на нем, смотрю по сторонам.

— Дедушка, почему солнышко через щели заглядывает?

— Это, внучек, потому, что оконные проемы досками заколочены.

— Почему они досками заколочены?

— Потому заколочены — я еще не сделал косяки и рамы. Вот сделаю косяки и рамы, вставлю окна со стеклами, тогда солнышко будет к нам заглядывать через окна. Светло будет!

— Это что ты делаешь?

— Это делаю стул. Тебе уже сделал, теперь буду делать стул бабе, потом себе, твоей матери и отцу, Маньке с Оськой, да еще Катьке надо. Вот сколько надо стульев сделать!

Мой отец в старой избе сделал две длинные лавки — на них вся деревня усядется, места всем хватит. Тоже хорошо! Не на полу сидеть.

— А это что за решетка?

— Это не решетка, а морда. Ее твой отец плетет. Вот сделает — поставит в запор в речке и будет ей рыбу ловить.

— Что такое запор?

— Запором перегораживают речки. На всю ширину речки втыкают колья, как огород, к кольям прикрепляют стоя жалыник. В одном — двух местах оставляют проходы для рыбы. Вот в эти проходы и ставят морды.

— Дедушка, а почему ты бабушке лоб разбил?

— Кто это тебе сказал?! Много будешь знать, быстро состаришься.

— Бабушка сказала. Ты был пьяный и стукнул ее по лбу.

— Сама виновата. Вперед будет поумнее. Вот я ее уму-разуму и поучил.

[продолжение в след. номере.]

Рис. А. Мухаметовой

ИЗ СИБИРИ

А. П. Чехов

(9 мая 1890 года)

По сибирскому тракту, от Тюмени до Томска, нет ни поселков, ни хуторов, а одни только большие села, отстоящие одно от другого на 20, 25 и даже на 40 верст. Усадеб по дороге не встречается, так как помещиков здесь нет; не увидите вы ни фабрик, ни мельниц, ни постоянных дворов... Единственное, что по пути напоминает о человеке, это телеграфные проволоки, завывающие под ветер, да верстовые столбы.

В каждом селе — церковь, а иногда и две; есть и школы, тоже, кажется, во всех селах. Избы деревянные, часто двухэтажные, крыши тесовые. Около каждой избы на заборе или на березке стоит скворечня, и так низко, что до нее можно рукой достать. Скворцы здесь пользуются общою любовью, и их даже кошки не трогают. Садов нет.

Часов в пять утра, после морозной ночи и утомительной езды, я сижу в избе вольного ямщика, в горнице, и пью чай. Горница — это светлая, просторная комната, с обстановкой, о какой нашему курскому или московскому мужику можно только мечтать. Чистота удивительная: ни соринки, ни пятнышка. Стены белые, полы непременно деревянные, крашенные или покрытые цветными холщовыми постилками; два стола, диван, стулья, шкаф с посудой, на окнах горшки с цветами. В углу стоит кровать, на ней целая гора из пуховиков и подушек в красных наволочках; чтобы взобраться на эту гору, надо подставлять стул, а ляжешь — утонешь. Сибиряки любят мягко спать.

От образа в углу тянутся по обе стороны лубочные картины; тут портрет государя, непременно в нескольких экземплярах, Георгий Победоносец, «Европейские государи», среди которых очутился почему-то и шах персидский, затем изображения святых с латинскими и немецкими подписями, поясной портрет Баттенберга, Скобелева, опять святые... На украшение стен идут и конфетные бумажки, и водочные ярлыки, и этикетки из-под папирос, и эта бедность совсем не вяжется с солидной постелью и крашеными полами. Но что делать? Спрос на художество здесь большой, но бог не дает художников. Посмотрите на дверь, на которой нарисовано дерево с синими и красными цветами и с какими-то птицами, похожими больше на рыб, чем на птиц; дерево это растет из вазы, и по этой вазе видно, что рисовал его европеец, то есть ссыльный; ссыльный же малевал и круг на потолке и узоры на печке. Немудрая живопись, но здешнему крестьянину и она не под силу. Девять месяцев не снимает он рукавиц и не распрямляет пальцев; то мороз в сорок градусов, то луга на двадцать верст затопило, а придет короткое лето — спина болит от работы и тянутся жилы. Когда уж тут рисовать?

Примечания: А. П. Чехов обещал издателю газеты «Новое время» А. С. Суворину посылать путевые очерки, но не ранее Томска, ибо «путь между Тюменью и Томском давно уже описан и эксплуатировался тысячу раз» (письмо от 20 мая 1890 г.). Суворин в своей телеграмме просил выслать «сибирские впечатления возможно скорее», и в первых шести главах очерков, отправленных из Томска, Чехов все же осветил отрезок пути между Тюменью и Томском, оговорив в письме Суворину, что писал лично для него, потому не боялся быть «слишком субъективным и не боялся что в них больше чеховских чувств и мыслей, чем Сибири».

Владимир Беспалов

БЕРЕГИ ПОКА ЧТО ЕСТЬ...

БЕРЕГ АГАНА

*Когда упрямая верста
Вдруг так крута,
А жизнь пуста,
Жизнь — суета да маята,
Как жить? Во что поверить?
Когда унылая волна
И вся страна не новизна,
И поразмылись краски сна...
Нашелся этот берег.*

*Не позабуду, как я жил,
Как печь сложил
И стих сложил,
И доски пола настелил,
И застеклил оконце.
Вершились,
Ладилась дела:
Мой стих газета принесла,
Жена мне сына родила,
А за окном пропала мгла,
И встало наше солнце.
Я те денечки сберегу.
О, как жилось на берегу:
С дороги гул,
И с речки гул,
И гул над головою.
Едва рожденный, день спешил
И катер волны тормошил,
И вертолет винтом крушил
Рассветы над тайгою.*

Владимир Беспалов родился в 1949 году на Южном Урале. Окончил Челябинский политехнический институт. На тюменском Севере с 1980 года. Работал помощником бурильщика, монтажником, слесарем, художником-оформителем, оператором. Заочно заканчивает семинар поэзии Николая Старшинова в Литературном институте им. Горького. Стихи публиковались в альманахе «Истоки», в журналах «Смена», «Студенческий меридиан», в коллективном сборнике «Времена, в которые верю» (Свердловск, 1988 г.).

Сынишка всхлипывал во сне.
Комар звенел.
Плескалась нефть.
Росла уверенность во мне,
Что времени я нужен.
С трудом снимал рюкзак с плеча,
Не клял жену по мелочам
И пил брусничный свежий чай,
И жил как все.
Не хуже.

ТУМАН НА БОЛОТЕ

Туман на болоте.
На черном вечернем болоте.
Над блеском безмолвным тяжелой холодной воды
Едва различимый в молочной рассеянной плоти,
Сверкает несмело случайный осколок звезды.

Настигнут тревоги.
Заставят стоять, беспокоясь,
Как будто усталость и гнев навсегда суждены.
Я в бедах проклятых,
как сосны в тумане, по пояс.

Как сосны, которых
Еле макушки видны.
Я знаю, что где-то вблизи желтоглазая стая.
Следят молчаливо огни городские за мной.
Не вижу я их. Не знаю и знать не желаю!
Я к ним равнодушен.
Я к ним повернулся спиной...
Туман.
Ни воды, ни кустов.
Только мутная пустошь.
Как будто весь мир кто-то школьной резинкою стер.
Свободно летит в пустоту одинокое чувство.
Зажег бы хоть кто-нибудь там, за туманом, костер.

Х Х Х

Не болен ностальгией я.
Мой здешний быт довольно сносен.
Но в тишине к исходу дня
Я вспомню вдруг... о сенокосе.
Там где-то мать, вздыхаю я,
Уже, пожалуй, косит сено.
А тут песок да колея.
Во мхах-лишайниках мой Север.
Упрешь весь.
Душа поет,
Когда там выкосишь болотце.
А в эту прорвищу болот
Никто с литовкой не суется.

Сброшу ночь, как будто сбрую
 С запотевшего коня.
 Сброшу ношу. Поцелую
 Обманувшую меня.
 Удивится
 И заплачет,
 И приникнет горячо.
 Ну а как еще иначе?
 Для чего ж мое плечо?
 И, забыв про тьму и вьюгу,
 У порога стоим,
 И, безмолвные, друг другу
 Все случайное простим.
 Кто растерян,
 Кто неверен,
 Кто устал и просто зол.
 Не бери беду на Север —
 На расплату он тяжел.
 Не осудит,
 Не погубит,
 Но воздаст по чести честь.
 Не гадай потом,
 что будет.
 Береги пока что есть.

ПО АГАНУ

Моторочка по речке,
 И руки на бортах.
 Восторженно сердечко
 Стучит: тук-тук, так-так.
 Моторочка по речке.
 Рывок —
 и вот уже
 Запрыгало сердечко
 На резком вираже.
 Упало небо в воду,
 Качается в воде
 И крошится за нами
 На пенной борозде.
 Кусты в зеленых толпах,
 Тайга по берегам.
 Куда же сразу столько
 Красы твоей, Аган?
 И так захочет слиться
 С природою душа!
 И небосвод сочится,
 И стих с карандаша.

ТУКМАН

А. Евсеев

Разгадывать географические названия — увлекательное занятие. Но в топонимике есть свои ловушки и подводные камни. Взять, например, город Воронеж на реке Вороне. Вроде бы ясно, откуда появилось название; но другие реки тоже имеют частицу «вор» — Воронуса, Ворскла, Сувора, Суворса. В чем же дело? Оказывается, на языке наших прародителей, в древнем КУМРАНЕ слово «вор» означает черный цвет, а «су» — вода. Значит, все эти реки — черноводные, черноилистые, и серая разбойница здесь не при чем.

Так и я, решая загадку Тукмана, сразу попался на удочку «очевидных» аналогий. Поскольку этот увал, рассуждал я, находится на окраине города Катайска (Курганская область), названного так по имени одного из башкирских племен, то разгадку Тукмана следует искать в башкирском или, в крайнем случае, в татарском языке.

Эти вытянутые в длину возвышенности с пологим склоном и плоской вершинной поверхностью довольно часто встречаются в ближнем Зауралье. То приближаясь к самой реке, то удаляясь от нее на несколько километров, они тянутся вдоль Исети, преимущественно по правому берегу, и часто зовутся по названию близлежащего селения: Песковские увалы, Никитинские косогоры...

Я спросил знакомого башкира, что означает слово тукман?

С того времени минуло три года, и только сегодня с некоторой долей уверенности попытаюсь ответить на свой же вопрос. Начну с того, что я расспросил многих людей, знающих башкирский и татарский языки, провел в библиотеках за словарями немало вечеров — и все напрасно! В этих языках слово не поддавалось толкованию.

Зуд откровенности со временем прошел. Я уже спокойно отнесся к высланной мне районной газете «Знамя», где местный автор Н. Зеленин в свойственном для поэтов эмоциональном ключе выдвинул любопытную версию. В стихотворении «Тайна Тукмана» он утверждает, что это курган над могилой татарского хана.

Как-то, добираясь на рейсовом автобусе из Шадринска в Курган, мы остановились в Каргаполье. Вслед за другими я вышел поразмяться, подышать свежим воздухом. Признаюсь, районные автостанции — моя слабость. Часами могу находиться там, прислушиваясь к разговорам, изучая расписание или рассматривая незатейливую карту маршрутов. В этих бесхитростных названиях деревень и сел, в этих бесчисленных Ольховках, Покровках, Ильинках, Крестовках, кажется, таится какой-то глубокий, неведомый смысл. И вот, стоя перед «Расписанием движения автобусов до станции Каргаполье», я вдруг читаю, не веря своим глазам — село Тукманное...

Как же я не догадался поискать интересующее меня слово среди названий поселений! Но где найти алфавитный перечень городов и поселков, сел и деревень? И тут я вспомнил о затрепанных, замусоленных книгах, имеющих почти во всех почтовых отделениях. Вскоре я держал в руках «Справочник почтовой индексации» 1969 года,

и, как картежник, затаив дыхание, открывает розданные карты, медленно перелистывал страницы на букву Т. Наконец-то! «Тукман, 626042, Тюменская область, Нижнетавдинский район». Удача следовала за удачей. В изданном позднее «Алфавитном списке предприятий связи СССР» появился новый — Нижневартовский Тукман. В довершение «прибежал на ловца и зверь» — в приобретенной по случаю книжке «Вершины каменного пояса» узнаю, что в названиях многих уральских гор присутствуют «тумп» и «мань», что означает на языке манси соответственно, — «отдельная плосковершинная гора» и «малая».

Итак, манси (вогулы, вогуличи) — малочисленный коренной народ Севера, сохранивший свою самобытность, несмотря на монголо-татарское нашествие с юго-востока и русскую экспансию с запада. В течение столетий удавалось ему отстоять свои княжества, умело маневрируя между набиравшей силу Москвой и сибирскими наследниками Орды. То признавая над собой протекторат могучих соседей, то нанося по ним отчаянные удары, манси все же теряли свои территории, особенно в южных земледельческих районах, уступая их новому народу — сибирским татарам. Только в результате походов Ермака, этого, по мнению Карамзина, российского Пизарро, перестали существовать и Сибирское ханство татар и последнее, Пелымское, княжество манси. Начавшаяся колонизация русскими Зауралья привела во второй половине XVII века к почти одновременному появлению на левом берегу Исети слобод, острогов, монастырей, выстроившихся в укрепленную линию против беспокойного лесостепного правобережья. И уже ничто не говорило о том, что и раньше здесь было пограничье между лесным народом охотников и рыболовов и кочевниками-степняками. Разве что увал, называемый Тукманом, молчаливо свидетельствовал об этом. Да! Мне во что бы то ни стало нужно было убедиться в мансийском происхождении слова. После безуспешных поисков в Екатеринбурге манси-русского словаря набираю справочное Ханты-Мансийска и прошу телефонистку дать адрес специалистов по языку манси. Так завязалась переписка с сотрудниками кафедры национальных языков Института усовершенствования учителей.

Прежде всего, мое предположение о «малой горе» оказалось неверным. В мансийском языке, как впрочем, и в некоторых других, определение должно предшествовать определяемому слову. Поэтому не может быть «тумп мань» в значении «гора малая», а только «мань тумп». Но все-таки есть и тумпман, что означает островную местность или местность с островом. В широком смысле это место, где что-то выделяется среди однообразия: лес посреди степи, степь в лесу, холм на равнине и т. п. Спасибо Вам, Ромбандеева Евдокия Ивановна, Ширыкалова Нина Гавриловна, беззаветные хранительницы культуры своего народа.

На этом закончилось мое расследование. Думаю, что у туркоязычных захватчиков мансийских земель, слово тумпман трансформировалось в удобное для них Тукман и закрепилось за отдельными местностями. А, может быть, раньше так и звучало — Тукман? Ведь писал же Николай Рерих: «...очень часто первоначальное звучание изломалось в вековых представлениях. Недаром говорят, что каждый язык меняется грижды в столетие...».

РАЗНЫЕ ОРНАМЕНТЫ

На рисунке приведены две различные группы орнаментов. Во-первых, даны наиболее простые, составляющие как бы фундамент всех других орнаментов, а во-вторых, варианты тех узоров, которые на сегодняшний день оказались менее разработанными.

Названия орнаментов следующие:

- 1 — тунг пант-полоска (букв.: тунг — прямой, пант — след);
- 2 — пав (не переводится);
- 3 — канги или лаюм — священное лезвие или топор;
- 4 — пушанг пават — двойные павы;
- 5 — уханг пават — павы с головой;
- 6 — сюканэ — извилина;
- 7 — каранг ухпошэх — головы друг за другом;
- 8 — аси вой ухпошэх — голова небесного зверя (букв.: аси — отец, вой — зверь, ухпошэх — голова);
- 9 — каранг аси вой ухпошэх — голова небесного зверя друг за другом;
- 10 — аси вой ухпошэх ипунгала — небесного зверя головы рядом;
- 11 — ухпошэх — голова;
- 12 — аси вой ухпошэх шоп эватман — голова небесного зверя пополам;
- 13 — васы кур — нога утки;
- 14 — каранг васы кур — ноги утки друг за другом;
- 15 — васы олнгас — утиный выводок;
- 16—17 — каранг васы олнгас — утиный выводок друг за другом;
- 18—19 — сорт пянк — щучьи зубы;
- 20 — лаюм канги — священное лезвие топора;
- 21 — сув лаюм — топор;
- 22 — лаюм канги — священное лезвие топора;
- 23—24 — лангки пал — беличьи уши;
- 25 — ай шовр пал — уши маленького зайца;
- 26 — шовр пал — уши зайца;
- 27 — ай шовр пал (старин. нел пас) — уши маленького зайца (старин. наконечник стрелы);
- 28—30 — шовр толэн — заячья лапка;
- 31 — вон шовр пал — уши большого зайца;
- 32 — шовр толэн омасты вон шовр пал —

уши большого зайца на заячьей лапке;

33 — пушанг вон шовр пал — двойные уши большого зайца;

34 — пярнянг вон шовр пал — уши большого зайца с крестом;

35 — шовр толэн омасты пярнянг вон шовр пал — уши большого зайца с крестом на заячьей лапке.

К простым, основополагающим узорам ханты реки Казым относят: 1 — полоска, 2 — пав, 3 — топор (лезвие топора), 4 — двойные павы, 6 — извилина, 8 — голова небесного зверя, 27 — уши маленького зайца (наконечник стрелы), а также из неприведенных на данном рисунке крест и березовая ветвь. Остальные орнаменты считаются сложными. На вопрос, почему одни узоры простые, а другие сложные, пожилые женщины, сделавшие данное разделение, отвечали, что первая группа «Торум партум ханшет» — «небом посланные орнаменты», а вторые «еллы нетум ханшет» — «дальше продолженные орнаменты».

Все узоры имеют названия и, если проанализировать их, то можно вычленить несколько групп. Во-вторых, узоры, выражающие основные понятия: 1 — прямой след, 2 — пав, 3 — извилина. Затем идет группа узоров «голова небесного зверя» (7—12), название которой коренится в фольклоре. Фольклорную основу имеют и узоры топора (20—22). В этом орнаменте, несмотря на то, что он даже внешне отражает бытовое орудие труда, кроется более мощный глубинный смысл. При рассказе о данном узоре мастерицы говорят «яманг карты сит» — «священное железо это», а «канги» переводят как святое, священное, божественное. Последующие «почему!» непременно уводят в глубь фольклорных источников.

И, наконец, наибольший процент названий связан с животным миром: ноги утки, утиный выводок, щучьи зубы, беличьи ушки, заячьи уши, заячьи лапки, что указывает на охотничью основу мировоззрения народа. А по мнению В. Н. Чернецова «весьма возможно», что в прошлом каждый род имел свои орнаменты, и они были связаны с изображением родового тотема.

Т. Молданова

ГОВОРИТЕ ПО — МАНСИЙСКИ

Урок второй

Ботинки —	патинкаг;
брюки —	кащ;
валенки —	валенкаг;
иголка —	юнтуп;
кисы —	вай;
красиво —	нётнэг;
лента —	лента;
магазин —	лапка;
малица —	мольсян;
наперсток —	юнсхатнэ туля;
нижнее белье —	ёлысуп;
нитки —	сэтап;
ножницы —	китэлмпкасай;
одень —	масэн;
одеть —	масункве;
одеться —	масхатункве;
одевать —	масыглалункве;
одеваться —	масхатыглалункве;
пальто —	пальта, пальтув;
платок (головной) —	пунктор;
платье, рубашка —	суп;
покупать (купить) —	ёвтункве;
продавать —	тыналалыгланкве;
продавец	тыналахтын хотпа;
рукав —	тайт;
рукавицы —	пассаг;

сапоги —
сукно —
ткань, материя —
украшение (узор) —
шаль —
шапка —
швея —
швейная машинка —
шить —
шуба —

сопак;
нуй;
тор;
хорам;
саль;
кент;
матыр юнтнэ нэ;
юнысхатнэ машина;
юнтункве;
сахи.

КОНСТРУКЦИИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ К ТЕМЕ «ОДЕЖДА И ОБУВЬ»:

В магазине продают сукно —	Лапкат нуй тыналавe;
Мама к платью пришивает	
украшение (узор) —	Омам супын хорам юнты;
Юра в магазине для себя купил	Юра лапкат таквинатэн йильпи
новую шапку —	кент ёвтыс;
Разнообразные куски материи	Савсир тор ломтыт;
Из шелковой материи красивое	Ярмак торыл нётнэ суп юнтаве;
платье сошьют —	
Зимняя и летняя одежда —	Тэлы ос туй осьнэ маснутыт;
Вы мне назовите зимнюю и	Нан аумн тэлы ос туй осьнэ
летнюю одежду —	маснутыт лавен;
Всю эту одежду нужно содер-	Пусын ты маснутыт сыстамыг
жать в чистоте —	эрэгыт оньсюнкве;
Как одет Петя?	Петя хумыс масхатым олы?
Это что?	Тыи маныр?
Это рубашка	Тыи суп;
Одежду шьют в мастерской	Маснутыт мастерскиит юнтавет;
Васина мама работает в мастер-	Вася тав ома тэ мастерскиит
ской	рупиты.
Вова, надень рубашку	Вова, суп масэн.

Примечание: В связи с отсутствием в полиграфической базе типографии знака для передачи заднеязычного носового «н» в тексте он обозначен переднеязычным носовым «н».

«ЮГОРИЯ» В ЯКУТИИ

Сборная команда Западной Сибири, в которую входили туристы новосибирского спортивного клуба «Сибирь», сургутского городского клуба «Югория», а так же туристы из Красноярска и Томска, в июле 1990 года под руководством мастера спорта Леонида Стариковского прошла маршрут 5 категории сложности в районе нагорья Черского (цепь Обручева), через Сияльский хребет, горный массив Чен, хребет Онельский, Чибгалахский и Боронг и сплавилась по р. Чаркы от верховьев до р. Адыча. В крайне неблагоприятных метеоусловиях аномального лета покорена одна из сложнейших вершин левобережья Индигирки — г. 2695 — высшая точка Чибгалахского хребта. За эту экспедицию участникам было присвоено звание чемпионов Вооруженных Сил СССР.

Кто спорит, интересно пройти совершенно новый маршрут, открыть новый район или хотя бы перевал. Но, на мой взгляд, не менее интересно опровергать сложившиеся представления, сокрушать легендарные «непроходимые» препятствия. Создаются такие мифы или легенды по-разному. Бывает, что действительно препятствие превышает сегодняшний уровень технических возможностей группы, и нужно, чтобы прошло какое-то время, прежде чем новое поколение туристов пройдет перевал или порог, поднимется на вершину или одолеет «колодец» в пещере и удивится легенде о «непроходе». А бывает, что погода, накопившаяся усталость, высокая вода в каньоне или нежелание набрать в сапоги, выпадение из графика, неумолимые сроки не позволяют совершить задуманное, и вот тогда-то вольно или невольно рождается легенда. Когда мы с друзьями собираемся в новый маршрут, мы прежде всего выбираем легендарные места и стараемся эти многолетние «твердыни» пробовать на прочность. А вдруг удастся то, что пока не удавалось другим... Многим хочется оказаться первыми, и начинается невидимая гонка, в которой побеждает тот, кому улыбнется удача и у кого хватит упорства.

Но бывает и так, что после многолетних бесплодных попыток кому-то все-таки удается дойти до вершины и там найти записку, оставленную всего несколько дней назад другими, более удачливыми. Обидно, но что поделаешь. Те, кто обращал внимание на тысячекилометровое пространство нагорья Черского, оторвав свой взгляд от популярного Буордаха, помнит, что на любой схеме выделяются в цепи левобережья Индигирки вершины 2703 (высшая точка этой части нагорья) и 2695. О вершинах ходили легенды. Об одной говорили, что первая попытка восхождения была предпринята в 1958 году якутскими туристами, в 1975 году от нее отступились черновицкие туристы (рук. Г. Махов), и до сих пор стоит непокоренная туристами. Хотя нам сразу показалось, что до нее просто руки не доходили, так как стоит вершина в стороне от самых интересных хребтов в этой части нагорья.

А вот 2695 — действительно заслуженная гора. Команда харьковчан под руководством Юрия Оксюка дважды подходила к вершине с юго-востока и северо-востока, и увиденные тогда стены получили титул неприступных. Мнению харьковчан можно доверять, это маститая команда. В следующем году (1977) они стали чемпионами страны за маршрут в том же районе. А через семь лет команда новых чемпионов из Находки (рук. С. Кабелев) вновь подошла к вершине и их приговор был не менее категоричен. Теперь 2695 становилась полноценной легендой — два чемпиона «обломали» об нее зубы, и от этого покорить ее хотелось еще больше. Мы считали, что нужна планомерная осада, время, чтобы осмотреть вершину со всех сторон.

К началу туристского сезона, кроме этих двух вершин, «белым пятном» оставался еще целый хребет Боронг — самый южный хребет нагорья. До сих пор, если Боронг и заявляли в туристских маршрутах, то дойти до него так и не удавалось по разным причинам. Вот так и сложилась ниточка нашего маршрута, на которую мы должны были нанизать яркие бусинки г. 2703, массив Чен, г. 2695 и хребет Боронг.

День, когда мы прилетели в Усть-Неру, был первым погожим днем в это лето. Накануне здесь еще лежал снег. В этот первый и на долгое время единственный ясный день нам удалось заброситься попутным вертолетом в долину Сияла. К вечеру опустились тучи, и началась «непруха». В прорывах

тучь, по северо-западному хребту штурмовая группа достигла вершины 2703. В Туре на вершине их ждала прошлогодняя записка литовцев (рук. И. Н. Ярмолаев), которые назвали вершину именем И. Д. Черского. Каково же было наше разочарование! Группа сургутян под руководством Аликина М. П. решает дополнительно взойти на соседнюю, обзорную вершину 2235. Тут мы были первыми! Единогласно было решено назвать вершину «Пик Югория», в честь сургутского клуба туристов «Югория». При спуске было совершено первопрохождение перевала, который был назван «Сургут». На главной вершине Чена и перевале «25 лет Спортивного туризма» сняли записку литовцев, а вот на Южном Чене, похоже, мы — первые. После ночевки на вершине делаем полный траверс всех четырех вершин Чена! Непрестанно идущие дожди заметно усложняют нашу жизнь. Едва спустились с Чена, как вынуждены были среди ночи спастись от воды прямо на крутом склоне. Это селевой поток перегородил реку, и вода пробилась русло через наш лагерь.

Наконец, позади огромная долина Иньяли. Теперь только гранитная стена хребта отделяет нас от Южного цирка и самой вершины 2695. В первой попытке мы поднялись из истока третьего притока Мюрюле ниже устья Мас-Юряха на предполагаемый перевал в приток Турган-Юряха. Оказалось, что сам цирк лежит восточнее. Спускаемся вновь в Мюрюле и через скальный отрог траверсируем на низкий среди окружающих стен скальный гребень, с которого сползает большой ледник, заполнивший южный цирк. Спускаемся по снежно-ледовому склону, оставляя позади тур перевала Чертова Дюжина. Прямо перед нами поднимается гордым замком наша главная цель — 2695. А погоды все нет. Очередной снежно-дождевой «заряд» переживаем в палатках и в первую же паузу, несмотря на ночное время (а ночи все светлые), приступаем к штурму. Путь 1987 года через ледовый кулуар уже был обработан и провешен, когда со скального «пальца» — жандарма разглядели более логичный путь по Южной стене. Пришлось снимать веревку и возвращаться к «пальцу», откуда начали все сначала. Почти девять часов ушло на то, чтобы по отвесным скалам выйти на вершину и опуститься в палатки под перевалом Васьковского. До сих пор непобедимую вершину звали Жемчужиной Якутии. Мы считаем ее одной из красивейших и сложнейших вершин, известных в нагорье Черского.

После этой победы уже легче переносились капризы природы. В снежной кутерьме выходили через верховья Турган-Юряха и Мас-Юряха к гигантской Верхне-Чаркынской впадине, которая на 70 км протянулась в верховьях реки Чаркы. Трое суток, с дровами за спиной, проваливаясь иногда по колено в тундровом болоте, шли мы к угадываемому перевалу долины Урильтину, который должен был привести нас к сердцу Боронга-вершине 2304. Пестрая тундра с самыми фантастическими оттенками окружала нас, казалось бы, мы на неведомой планете. Но вот горизонт обложилось черным, солнце в огненной короне открылось за облаками, и на нас упала Зима. Ветер рвал палатки, засыпал снегом, все исчезло в снежной пелене. После нескольких дней метели гора Боронга из безобидных осыпных пупырей превратилась в белоснежные пики, изборожденные следами свежих лавин. Пройдя связку перевалов, почти в зимних условиях, по колено, а местами и по пояс в снегу, вдоль бушующей Серюге вышли к Чаркы, по которой теперь предстояло сплавляться. Снег продолжал валить неделю и, сколько мы ни спускались вниз по реке, все пространство вокруг было покрыто снегом. День в ледяной воде, в борьбе со снегом и встречным ветром, ночь на очищенной от снега площадке. Спасали от холода пуховики, двойные палатки да групповые спальники. Когда пересекли Полярный круг, петляя по широкой долине Чарка, оглянулись назад. Белая стена заснеженных гор, величественных, как Гималаи, отражая холодное солнце, провожала нас.

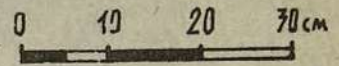
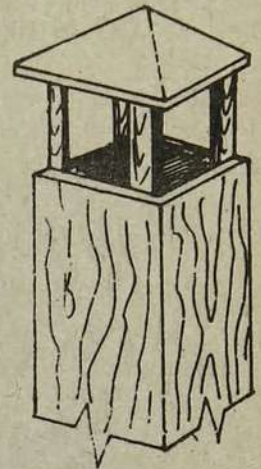
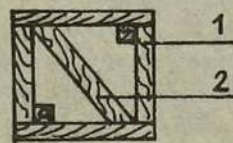
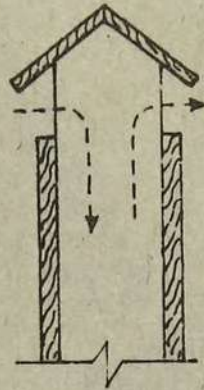
Почти все удалось, останутся в памяти пройденные перевалы, покоренные вершины, пестрая тундра и снега Боронга, наледи и шиверы, изумительной красоты коньоны далекой Чаркы. Пройдено более семисот километров Сурового Нагорья и даже жаль, что развеяны легенды о неприступной 2695 и неведомом Боронге.

ГАРАЖ С ПОГРЕБОМ

При сооружении погреба под гаражом обычно сталкиваются с двумя основными проблемами: обеспечение водонепроницаемости погреба и его вентиляции.

Во всех случаях надо стараться выбрать возвышенное и сухое место и так разместить погреб, чтобы его основание (днище) не доходило до уровня грунтовых вод в период их самого высокого стояния. При размещении в низменных местах предварительно устраивают искусственные песчано-гравийные подсыпки, чтобы «оторвать» основание погреба от грунтовых вод. Исходя из этих условий, определяется высота погреба около 1,7—1,9 м.

Стены погреба делают монолитными из плотного бетона. Если место сухое, то стенки погреба могут быть облегченными из стандартных асбесто-цементных волнистых листов шифера. Их крепят к деревянному каркасу шурупами. Для прочности стены погреба можно

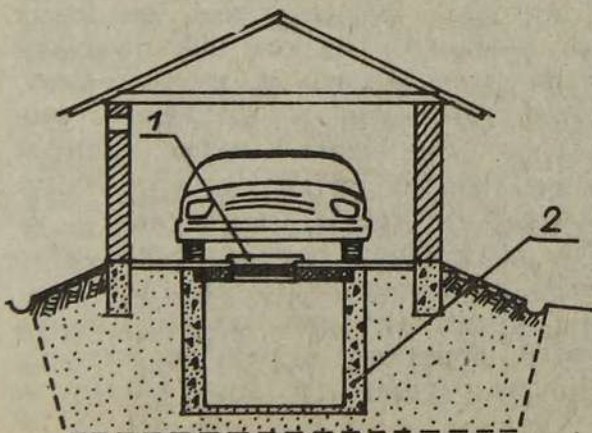

выполнить из двух волнистых листов, склеенных между собой битумной мастикой или цементно-казеиновым клеем (две объемные части сухого казеина и одна часть цемента, замешанные до густоты сметаны).

Гидроизоляция погреба — обмазка ограждающих конструкций горячим битумом за два раза по предварительно загрунтованным поверхностям.

Вентиляция — двухканальный деревянный короб, как показано на рисунке 1, или вентиляция через люк, который имеет решетку вместо традиционной крышки. Для утепления поверх решетки набрасывается старое одеяло или ватник (рис. 2).

В заключение я должен напомнить о необходимости согласования застройки садового участка с районным архитектором.

Ю. Проскурин

ДРОЗД-РЯБИННИК

В дни далекого детства мы ходили купаться на мелководье летнего разлива, один из берегов которого именовался в Ханты-Мансийске как городской пляж и был покрыт травой, а другой, ныне голый, зеленел рощицей ивняка. Так вот, пока мы купались, а потом сушились у костра, в этой рощице время от времени слышались какие-то странные трескучие звуки. На наши любопытствующие вопросы Олег, как более старший и знающий, сказал, что так кричат птицы, которых зовут «трещотки».

Залив был неширокий, мы быстро переплыли его на лодке и, как только забежали в рощу, сразу встретились с «трещотками», которых здесь было больше десятка. Они слетали с верхушек деревьев навстречу нам и, проносясь над головами, издавали трескучие звуки, выражая этим самым прямое недовольство присутствием нашей компании, которая нарушила их мирную гнездовую жизнь.

Олег быстро нашел и показал гнезда, которые размещались довольно высоко в развилках деревьев и только одно оказалось низко. Мы подошли к нему и, встав на корягу, по очереди стали заглядывать. В этот момент, когда моя рука коснулась гнезда, произошло движение и навстречу мне поднялось шесть головок на тонких шеях и открылось шесть желтых клювов — то были еще не окрепшие птенцы. Долго рассматривать их не пришлось, так как тучи комаров, появившихся из травы, набросились на нас, и мы поспешили обратно к лодке. Так состоялось первое знакомство с «трещотками», которые по-научному называются дроздами-рябинниками.

Дрозд-рябинник в нашем крае — обычная птица, которая охотно селится по соседству с человеком. Этот сосед часто залетает весной в огород, а осенью — в сады поклевать рябину, за пристрастие к которой он и получил свое видовое название.

Весной рябинники появляются рано, в середине апреля на болотах, когда обтаивают первые кочки, или на солнечных лесных опушках. Летят они парами или небольшими стайками и, в отличие от других птиц, самцы, порой еще не долетев до гнездовых мест, распевают свои немудреные песни, радуясь весне, теплу. И хотя песня не очень мелодичная, слышать их в апрельском лесу, где еще много снега и лиственные деревья стоят голые, радостно.

Остановившись на отдых, дрозды ищут первым делом перезимовавшие ягоды, а найдя, громкими голосами созывают пролетающих мимо, так образуется компания, которая затем перемещается по лесам. Определяя лучшее урочище, чтоб близко были берега речки с липкой глиной для сооружения гнезд и места с обильным кормом, сырые лужайки или пашни с дождевыми червяками, стая останавливается. Несколько дней дрозды осматривают деревья, а потом приступают к строительству гнезд, обязательно размещая их у ствола или на крепком сучке.

Начало строительства гнезд и откладки яиц — время самого усиленного песнопения самцов. Они стараются блеснуть своим исполнительским талантом с утра до вечера — и у гнезда на ветке, и в полете, когда сопровождают самочку, которая летит с берега реки или озера с кусочком глины для гнезда. Она спешит молча, зажав в клюве строительный материал, а он рядом налегке и только поет.

В момент строительства гнезд, которые я наблюдал не раз, радуясь наступлению весны, запомнилась одна картина с печальным концом. Около крутого лога, где сейчас в Ханты-Мансийске городская свалка, стоял кедровник, и дрозды, облюбовав его, устроили здесь свою гнездовую колонию. Был самый разгар майского строительства гнезд, парочки рябинников летали друг за другом на берег самаровского сора. Я вышел на обрывчик над ручьем, тогда еще чистым и прозрачным, журчавшим по оврагу. Ласково светило нежаркое солнце, с поймы тянуло запахом горелой травы, который всегда навевает какую-то грусть от всепоглощающей и равнодушной силы огня. В этот момент над головой пролетела пара рябинников и села на противоположный берег проточки. В бинокль было видно, как самочка, сделав несколько прыжков и найдя нужный кусочек глины, схватила его и полетела обратно. Вслед за ней устремился самец. Весенние силы распирала его пеструю грудку и он запел. Они почти поравнялись со стеной леса, как вдруг с вершины ели метнулась серая фигура таившегося там ястреба-тетеревятника, и тут же веселая песня дрозда сменилась предсмертным криком. Наступила неожиданная тишина, в воздухе еще несколько минут кружились мертвые перышки, а весенний день в моих глазах потерял свои радостные краски, и всякое желание наблюдать за другими дроздами пропало.

Обмазывая липкой глиной переплетенные травинки, дрозд строит капитальное гнездо, которое сохраняется всю зиму и даже на другую весну может послужить тем птицам, которые не очень требовательны. Из наших птиц гнезда рябинников используют лесные кулички черныши, но о них речь впереди.

В середине мая гнезда бывают готовы и начинается короткая, в 17—18 дней, тревожная пора насиживания яиц. Пока самочки сидят на гнездах, самцы рядом поют, при этом стараются взобраться на самую макушку дерева. Поют, а сами по сторонам посматривают. Вот появилась сорока или ворона — песни прекращаются и все самцы бросаются на этих вороватых птиц, которые таскают из гнезд яйца и маленьких птенцов. Дружное преследование рябинниками врагов пользуется «уважением» и других птиц, и по этой причине в их колониях селятся зяблики, вьюнки, дрозды-белобровики. Под защитой рябинников они более спокойно выводят птенцов.

Нападая на своих обидчиков, дрозды постоянно громко трещат, поэтому в тех лесных урочищах, где они поселились, почти круглые сутки стоит шум,

немного стихающий лишь в середине ночи. По этому шуму можно всегда определить, где дрозды загнездились в этом году.

Время идет, и в гнездах появляются птенцы, с этого момента происходит изменение в поведении самцов, они начинают помогать самочкам в прокормлении прожорливых птенцов и залетают в огороды, позволяя рассмотреть себя с близкого расстояния.

Если дрозд-рябинник, прыгая по вскопанным грядкам, повернулся к наблюдателю спиной, то видно, что она двухцветная (чего нет у других дроздов): от шеи серая, ниже — зелено-бурая. Если повернулся беловатой грудкой, то на ней видны темные рябинки как и у других дроздов — дерябы, певчего или белобровика.

Пока мы рассматривали наряд рябинника, он нашел земляного червя, одно из своих любимых кушаний, и, схватив его, как макаронину, поспешил к гнезду. Если в эту пору зайти в гнездовую колонию рябинников, то шум будет величайший, в нем примут участие и самочки. Они будут не только кричать, но и, слетев с гнезда, где грели маленьких птенчиков, применять очень оригинальный прием против непрошенных наблюдателей — обрызгивание пометом.

С восхода и до заката солнца каждый день шумит дроздовая колония почти до конца июня, а потом вдруг в ней наступает тишина. Придешь в эту пору в «дроздовую» рощу, но уже не услышишь пения и недовольного «треска»: птенцы подросли, покинули гнезда и разбрелись кто куда. Какое-то время дрозды не напоминают о себе, пока не подойдет июль и не начнется пора сбора ягод и грибов.

Солнце еще не высоко поднялось над горизонтом и в лесу застаивается запах мокрой хвои и особый аромат сырости, смешанной с тонким грибным настоем. Тропа вьется между деревьями, и в воздухе стоит тишина; птицы почти не поют, но зато время от времени звучат какие-то испуганные шорохи крыльев в ветвях, сопровождаемые как бы сытыми кряхтящими голосами, говорящими, что они здесь, рядом, но кто они — не видно! В одном месте тропа грибника пересекает широкую просеку, и открывается полянка с большой лужей на краю, а около нее застывшая в напряженном ожидании пестрая птица — знакомый рябинник! В следующую секунду дрозд срывается, и, не разбирая дороги, задевая крыльями ветки, скрывается за деревьями, издавая при этом те крякающие звуки, что и до этой встречи слышались то влево, то вправо от тропинки. Теперь ясно, кто подает такие звуки. В эту пору рябинники большую часть дня проводят на земле, собирая ягоды, червей и малоподвижных слизней.

С конца августа поведение их начинает меняться, они значительную часть дня проводят на деревьях, поедая свою любимую рябину. При этом в первую очередь дрозды освобождают от ягод деревья с более сладкими плодами. Время идет, кончаются запасы рябины в лесу и в начале сентября приходится приближаться к поселениям человека, где она всегда сохраняется дольше. С этого момента дрозды часто по утрам прилетают на садовые рябины. Ведут они себя здесь очень осторожно: торопливо проглотив с десяток ягод, при первом же подозрительном стуке спешат обратно в лес. Там пережидают опасность и снова с большой осторожностью возвращаются в сады. Во время этих перелетов, они выбрасывают кучки помета, в котором хорошо сохранены семена рябины, дающие затем новую поросль деревьев.

Посещая рябиновые заросли, дрозды сбиваются в стаи и потом, как бы сговорившись, в один из сентябрьских дней, последний раз поклевав ягод, дружно пускаются на юг. С этого времени только свиристели продолжают стаями налетать на рябину. В годы с хорошим урожаем рябины, как это удалось наблюдать в Ханты-Мансийске, отдельные дрозды по какой-то причине задерживаются до октября и даже ноября, но ведут себя тихо, так что не всякий узнает в них шумных весенних птиц.

Поправки.

В шестом номере журнала допущены ошибки.

На первой странице автором статьи «Куриный бог» вместо В. Лазаревой ошибочно названа В. Тарасова.

На странице 23 неправильно назван автор рисунков. Вместо «рис. Г. Райшева» должно быть: «рис. автора».

Приносим авторам и читателям извинения.

Фото Л. Березницкого.

